

И. П. Корниловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ
О ПОЛЬСКОМЪ МЯТЕЖѢ
1863 ГОДА
ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

(По разсказамъ генералъ-адъютанта Гонецкаго).

(Оттиски изъ «Приложеній» къ газетѣ «Свѣтъ»).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, 136.
1900.

И. П. Корниловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ
О ПОЛЬСКОМЪ МЯТЕЖѢ
1863 ГОДА
ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

(По разсказамъ генералъ-адъютанта Гонецкаго).

(Оттиски изъ «Приложеній» къ газетѣ «Свѣтъ»).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, 136.
1900.

Дозволено цевзурой. С.-Петербургъ. 3 Марта 1900 г.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ МЯТЕЖѢ 1863 ГОДА ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ [1]).

(По разсказамъ генералъ-адъютанта Гонецкаго).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ЭТИ РАЗСКАЗЫ записаны мною лѣтомъ 1885 г. со словъ генералъ-адъютанта Ивана Степановича Гонецкаго, имъ же затѣмъ просмотрѣны въ рукописи и по его указанію исправлены. Нѣкоторыя исправленія сдѣланы были также генералъ-маіоромъ барономъ Ѳед. Петр. Зассомъ, который въ 1863 году командовалъ 1-ю стрѣлковою ротою лейбъ-гвардіи финляндскаго полка и о которомъ упоминается во второмъ разсказѣ. Въ такомъ видѣ разсказы были переданы мною въ 1894 г. въ «Русскій Вѣстникъ», гдѣ и появились, но съ измѣненіями и сокращеніями, а три изъ нихъ совсѣмъ не напечатаны. Между тѣмъ разсказы эти очень живо рисуютъ положеніе дѣлъ въ Западномъ краѣ во время Польскаго мятежа. Что важнѣе всего, они записаны со словъ лица, принимавшаго главнѣйшее участіе въ подавленіи Польскаго мятежа и, слѣдовательно, отличаются исторической точностью. Въ виду этого я рѣшился напечатать ихъ вновь, безъ всякихъ пропусковъ. Но при этомъ я еще разъ отдалъ ихъ на просмотръ брату Ивана Степановича, члену Государственнаго Совѣта, генералу-отъ-инфантеріи Николаю Степановичу Гонецкому. Николай Степановичъ любезно сдѣлалъ нѣкоторыя указанія, которыя и приняты къ свѣдѣнію. Затѣмъ они были просмотрѣны также Е. К. Теннеромъ (нынѣ почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго присутствія Опекунскаго Совѣта), о которомъ упоминается во второмъ разсказѣ, и найдены имъ вполнѣ вѣрными дѣйствительности. Въ такомъ видѣ все это теперь и печатается.

---

[1]) Принося глубокую благодарность за разрѣшеніе познакомить нашихъ читателей съ крайне интересными и поучительными «Воспоминаніями», мы льстимъ себя надеждой, что лица, владѣющія матеріалами, относящимися къ исторіи Польскаго мятежа въ Западномъ краѣ, послѣдуютъ примѣру высокочтимаго И. П. Корнилова и своими сообщеніями помогутъ правильному освѣщенію дѣятельности сподвижниковъ незабвеннаго графа М. Н. Муравьева.

Ред.

Считаю нужнымъ привести главныя біографическія данныя объ И. С. Гонецкомъ, любезно сообщенныя сыновьями его, Дмитріемъ Ивановичемъ (у котораго хранится весь богатый архивъ, оставшійся послѣ смерти его отца) и Николаемъ Ивановичемъ Гонецкими [1]).

Отецъ Ивана Степановича, Степанъ Михайловичъ Гонецкій [2]), происходилъ изъ дворянъ Смоленской губ. Онъ служилъ въ лейбъ-гвардіи семеновскомъ полку и въ 1790 г. принималъ участіе въ бывшей тогда войнѣ противъ шведовъ, находясь съ войсками въ Финляндіи. Въ 1802 г., по смерти своего отца, для поддержанія старушки-матери и для хозяйства по имѣнію, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ имѣніи, находившемся въ Духовщинскомъ уѣздѣ, Смоленской губ., у Соловьева Перевоза. Въ 1809 г. онъ женился на дочери помѣщицы Эсмонтъ и служилъ по выборамъ. Отъ этого брака онъ имѣлъ троихъ дѣтей: старшаго сына Ивана, родившагося 26 сентября 1810 г., дочь Александру, родившуюся въ 1813 г., и младшаго сына Николая, родившагося въ 1815 г. Въ 1822 г., по неимѣнію средствъ къ образованію дѣтей, онъ повезъ ихъ въ Петербургъ, гдѣ дочь Александра была опредѣлена въ томъ же году въ Екатерининскій институтъ, а сыновья Иванъ и Николай поступили въ первый кадетскій корпусъ.

По окончаніи курса наукъ въ корпусѣ, Иванъ Степановичъ былъ выпущенъ 25 декабря 1828 г. прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи финляндскій полкъ. Въ апрѣлѣ 1829 г. онъ, въ составѣ усиленной роты финляндскаго полка, выступилъ въ походъ къ юго-западной границѣ, въ Каменецъ-Подольскую губернію; но по случаю окончанія войны съ Турціей, дошедши до м. Тульчина, возвратился съ своимъ полкомъ назадъ и 10 февраля 1830 г. прибылъ въ Петербургъ.

Будучи еще молодымъ офицеромъ, И. С. Гонецкій въ 1836 г. отправился на Кавказъ, гдѣ принималъ участіе въ кампаніи противъ горцевъ. Здѣсь онъ оставался въ теченіе года, прошедши такимъ образомъ хорошую боевую школу и за отличіе въ дѣлахъ былъ награжденъ 4 іюня 1837 г. орденомъ св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ.

Быстро повышаясь въ чинахъ. И. С. въ 1847 г. былъ произведенъ уже въ полковники, а 27 сентября 1848 г. утвержденъ командиромъ 2 батальона лейбъ-гвардіи финляндскаго полка.

По случаю войны съ Венгріей въ 1849 г., И. С. находился въ походѣ гвардіи къ западнымъ границамъ имперіи съ 15 мая

---

[1]) Самая біографія любезно составлена, по нашей просьбѣ, на основаніи этого матеріала, О. В. Крыжановскимъ.

[2]) Мы пишемъ не Ганецкій, какъ это обыкновенно принято, а Гонецкій, какъ эта фамилія записана въ Общемъ Гербовникѣ Россійской Имперіи (кн. 6). Черезъ *а* сталъ писать свою фамилію еще отецъ Ивана Степановича, но и до сихъ поръ еще нѣкоторые члены рода Гонецкихъ пишутъ свою фамилію по старому, черезъ *о*.

по 1 ноября 1849 г., и въ этотъ періодъ времени, 29 іюля, былъ утвержденъ командиромъ 1-го батальона лейбъ-гвардіи финляндскаго полка.

30 августа 1854 г. И. С. былъ назначенъ командующимъ лейбъ-гвардіи финляндскимъ резервнымъ полкомъ; 30 августа 1855 г. И. С. за отличіе по службѣ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командующимъ 4-ой гвардейской пѣхотной бригадой и лейбъ-гвардіи финляндскимъ резервнымъ полкомъ, а 9 іюня 1856 г. назначенъ командиромъ финляндскаго дѣйствующаго полка.

Финляндскій полкъ въ это время, когда прекратилось тревожное время Севастопольской войны, двигался изъ Ломжи въ Москву. Въ Ельнѣ, уѣздномъ городѣ Смоленской губ., И. С. принялъ 16 іюня надъ нимъ начальство, и съ этихъ поръ: «отъ Ельни», какъ говорили старики, для полка «настали другія времена» [1]). Дѣйствительно, И. С. въ качествѣ военнаго человѣка былъ выдающеюся личностію. Онъ «отличался всегда умѣньемъ говорить съ солдатомъ, проникать ему въ душу и дѣйствовать на его убѣжденія. Выѣхавъ изъ Москвы, навстрѣчу полку, генералъ Гонецкій, по его словамъ, нашелъ его какъ бы усталымъ, не такимъ бодрымъ, какимъ онъ его оставилъ; но достаточно было нѣсколько дней, нѣсколькихъ бесѣдъ Ивана Степановича съ финляндцкимъ полкомъ, давно его знавшимъ, достаточно было нѣсколькихъ переходовъ, чтобы все встрепенулось и ожило» [2]).

Эти прекрасныя качества И. С—ча были замѣчены еще императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который сказалъ разъ ему на церковномъ парадѣ по случаю полкового праздника: «Я тебя благодарю не за церемоніальный маршъ и смотръ, которые у тебя всегда хороши, а за тотъ молодцеватый видъ, молодцеватость твоихъ солдатъ и ихъ разумные отвѣты» [3]).

На собственныя средства Гонецкій заводилъ военныя состязанія солдатъ, выдавалъ призы лучшимъ стрѣлкамъ и въ 1856 г. устроилъ на Смоленскомъ полѣ стрѣльбище.

Въ 1863 году И. С. съ ввѣреннымъ ему финляндскимъ полкомъ поступилъ въ составъ войскъ Виленскаго военнаго округа. Онъ находился въ Виленской губ. съ 1 февраля по 7 августа 1863 г. и въ Гродненской съ 22 августа и до окончательнаго усмиренія мятежа, по 29 октября того же 1863 г. Здѣсь онъ выказалъ блистательныя военныя способности, разбивъ шайки Сѣраковскаго и Колышки, этихъ главныхъ предводителей польскихъ повстанцевъ. Борьба съ ними была особенно трудна потому, что повстанцы вели партизанскую войну, при чемъ имъ покровительствовала топографія страны, густые лѣса и болота, а также прекрасное знаніе мѣстности. Тѣмъ славнѣе была одер-

[1]) Ф. Ростковскій. Исторія лейбъ-гвардіи финляндскаго полка. Отд. II. 1881 г., стр. 127.

[2]) Тамъ же, стр. 126—127.

[3]) Тамъ же, стр. 104.

жанная надъ ними побѣда. О значеніи, придаваемомъ этой побѣдѣ мѣстнымъ русскимъ населеніемъ, можно судить по той встрѣчѣ, которая была оказана И. С-чу и его войскамъ при его въѣздѣ въ Вильну, и о которой говорится далѣе во второмъ разсказѣ. Считаемъ также нелишнимъ сообщить о проводахъ, которые тогда были устроены И. С-чу. Вотъ какъ разсказывается объ этомъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» въ № за 17 іюля 1863 г.

«Вчера (13 іюля) вечеромъ были проводы бывшаго командира л.-гв. финляндскаго полка, генерала Гонецкаго, и офицеровъ отправившагося съ нимъ эшелона. Въ буфетѣ Виленской станціи желѣзной дороги былъ приготовленъ ужинъ, устроенный по подпискѣ, и впереди всѣхъ была подпись Михаила Николаевича Муравьева. Списокъ подписавшихся былъ врученъ на память Ивану Степановичу Гонецкому [1]). Около 11-ти часовъ онъ подъ звуки музыки былъ подведенъ къ столу. За ужиномъ тосты и спичи слѣдовали одинъ за другимъ, при громкихъ кликахъ «ура» всѣхъ пирующихъ и нижнихъ чиновъ отправлявшагося эшелона. Первый тостъ за здоровье Государя Императора былъ предложенъ П. С. Лебедевымъ, бывшимъ профессоромъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, состоящимъ нынѣ въ распоряженіи М. Н. Муравьева. Петръ Семеновичъ говорилъ нѣсколько спичей, съ большимъ воодушевленіемъ и съ свойственнымъ ему умѣніемъ, и между прочимъ онъ прочиталъ «Клеветникамъ Россіи» Пушкина. Потомъ пили тосты въ честь генерала Гонецкаго и офицеровъ финляндскаго полка. Въ 11½ часовъ получена съ генералъ-губернаторской дворцовой станціи телеграмма: «Командиру финляндскаго полка генералу Гонецкому. Искренно сожалѣю, что не могъ лично присутствовать на прощальномъ ужинѣ. Прошу почтеннаго Ивана Степановича заявить его молодецкому полку мою искреннюю благодарность за военные его подвиги, подавившіе мятежъ и крамолу въ здѣшнемъ краѣ. Заочно пью за здоровье славнаго полка и доблестнаго начальника его. Ура! М. Муравьевъ». Громкое «ура» было отвѣтомъ на это привѣтствіе Михаила Николаевича; снова провозгласили тостъ за его здоровье, а Гонецкій, ставъ на окно залы, прочиталъ своимъ молодцамъ эту телеграмму, при громкихъ восклицаніяхъ восторженныхъ солдатъ. Въ 12 часовъ Гонецкій донесъ по телеграфу же: «Генералъ-губернатору. Финляндскій полкъ пьетъ за здоровье геніальнаго человѣка, который правитъ здѣшнимъ краемъ. За здоровье и благоденствіе Михаила Николаевича Муравьева. Ура»! На это посланъ изъ дворца контръ-отвѣтъ въ 12¼ часовъ пополуночи, къ сожалѣнію не поспѣвшій во время ужина: «Генералу Гонецкому. Въ отвѣтъ на ваше привѣтствіе, еще разъ душевно благодарю въ лицѣ вашемъ моихъ бывшихъ сподвижниковъ и желаю имъ благополучнаго

---

[1]) Списокъ этотъ до сихъ поръ хранится у Н. С. Гонецкаго.

пути. Молодецкіе подвиги финляндскаго полка останутся навсегда памятны для всякаго истинно-русскаго. М. Муравьевъ». Состоящій при Михаилѣ Николаевичѣ каммергеръ д. ст. с. Булычевъ прочиталъ: «Родная семья провожаетъ своихъ родныхъ братій, провожаетъ ту храбрую дружину, которой имя долго будетъ памятно въ Литвѣ. Свѣжо межъ нами воспоминаніе о молодецкихъ дѣяніяхъ финляндскаго полка, и отголосокъ «ура», съ которымъ финляндцы напомнили возстанію о силѣ русскаго штыка, еще долго и громко будетъ отзываться въ лѣсахъ литовскихъ. Услышали повстанцы и грозный крикъ во славу Русскаго царя, за родное достояніе. Пусть же финляндцы услышатъ теперь нашъ громкій привѣтъ въ честь русскаго оружія, за славу русскаго побѣдоноснаго войска! Здоровье храбрымъ предводителямъ храброй дружины! Заздравный кубокъ въ честь гг. штабъ, оберъ-офицеровъ и всѣхъ служащихъ въ финляндскомъ полку. Ура»!

Далѣе въ корреспонденціи приводятся и другіе тосты, между прочимъ тостъ адъютанта М. Н. Муравьева, поручика гусарскаго полка Владиміра Θедоровича Самарина [1]), передавшаго приводимый ниже, во второмъ разсказѣ, случай съ гвардейскимъ обозомъ.

Ужинъ, по словамъ корреспондента, кончился около половины 2-го ч. пополуночи. При громовомъ нескончаемомъ «ура», раздавшемся по всей Вильнѣ и окрестностямъ, и подъ звуки «Боже царя храни», потянулся поѣздъ, и долго еще слышны были въ ночной тиши гулъ постукивающаго паровоза и звуки народнаго гимна, несшіеся отъ удаляющагося поѣзда.

Довольно радушная встрѣча была оказана И. С-чу и въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ, впрочемъ, на этотъ разъ очень недолго. Объ этомъ можно судить по слѣдующей телеграммѣ, посланной ему 19 іюля М. Н. Муравьевымъ: «Искренно благодарю васъ и вашихъ молодцовъ финляндцевъ за добрый привѣтъ. Радуюсь оказываемому вамъ въ столицѣ вполнѣ заслуженному сочувствію. Вы встрѣтите его вездѣ, гдѣ дорожатъ славой Россіи и доблестью русскаго войска. Еще разъ прошу привѣтствовать отъ меня славный вашъ полкъ».

За свои подвиги И. С. Гонецкій былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени съ мечами.

7 іюня 1863 г. онъ былъ назначенъ командовать 16-й пѣхотной дивизіей, а 19 августа того же года, въ знакъ особеннаго вниманія, ему былъ пожалованъ мундиръ финляндскаго полка.

Послѣ этихъ служебныхъ перемѣнъ и наградъ И. С. 22 августа 1863 г. назначается командующимъ войсками, расположен

---

[1]) Память В. Θ. Самарина дорога людямъ, знавшимъ его. Это былъ храбрый воинъ и по истинѣ душа человѣкъ. Покойные братъ его Николай Θедоровичъ и сестра, графиня М. Θ. Соллогубъ передавали намъ, что онъ оставилъ Записки. Желательно видѣть ихъ въ печати.

ными въ Гродненской губ., въ которой временно подъ его начальство былъ присоединенъ Ломжинскій уѣздъ Августовской губ. На этомъ посту онъ оставался по 15 ноября 1865 г. Одновременно съ указаннымъ назначеніемъ онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и утвержденъ начальникомъ 3-й пѣхотной дивизіи. За время своего 13 лѣтняго командованія этой дивизіей онъ довелъ ее до блестящаго состоянія, что она и оправдала въ теченіе минувшей турецкой войны.

4 апрѣля 1876 г. И. С. назначенъ членомъ комитета (нынѣ Александровскаго) о раненыхъ, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ, а 19 февраля 1877 г. назначенъ командиромъ гренадерскаго корпуса.

Скоро послѣ этого вновь началась боевая дѣятельность И. С. Гонецкаго. Въ сентябрѣ 1877 г. онъ двинулся во главѣ гренадерскаго корпуса, чтобы войти въ составъ дѣйствующей дунайской арміи. 2 ноября весь гренадерскій корпусъ сосредоточился подъ Плевной у Дольняго Дубняка и Горнаго Нетрополя, и на И. С. Гонецкаго возложено было командованіе всѣми войсками 6-го участка обложенія Плевны на лѣвомъ берегу р. Вида.

Всѣмъ, конечно, извѣстны подробности плевненскихъ событій. Для характеристики И. С. Гонецкаго мы воспользуемся нѣсколькими строками изъ корреспонденціи съ поля битвы В. В. Комарова («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1878 г., № 1).

«Я вошелъ къ корпусному командиру. Крошечная комната въ четыре шага ширины и пять шаговъ длины. Одно небольшое окно съ разбитыми, замазанными стеклами, небольшой складной столъ у окна, въ углу складная кровать, маленькая переносная печь, два складные табурета, голыя почернѣлыя стѣны, битый земляной полъ – вотъ и все жилище корпуснаго командира гренадерскаго корпуса, въ которомъ онъ провелъ два мѣсяца. Въ комнатѣ было такъ холодно, вѣтеръ продувалъ такъ немилосердно, что всѣ сидѣли въ шапкахъ и шубахъ.

«Въ эту комнату могъ входить каждый имѣющій дѣло до генерала, входить безъ доклада, за исключеніемъ того времени, когда генералъ бывалъ занятъ съ начальникомъ штаба. Тутъ не было ни дня, ни ночи. Для дѣла не было сна, всегда было время. Иванъ Степановичъ Гонецкій небольшого роста, плотный, крѣпкій мужчина, лѣтъ 65-ти отъ роду. Движенія его быстры, рѣшительны. Голосъ звучный, рѣзкій. Сѣдые рѣдкіе волосы, выраженіе лица доброе, мягкое. Сѣрые глаза полны жизни и движенія. Отличительныя черты Ивана Степановича Гонецкаго, какъ человѣка: необыкновенная простота и прямодушіе. Природный умъ подсказываетъ генералу тотчасъ сущность каждаго дѣла, какъ оно ни кажется сложнымъ, и онъ высказывается прямо и тотчасъ же. Генералъ умѣетъ говорить съ солдатами, умѣетъ понимать ихъ нужды и тяготы и всегда старается облегчить ихъ, на сколько можетъ. Въ тоже время

едва ли служба исполняется гдѣ либо строже, какъ у генерала Ганецкаго».

А вотъ еще характерная картинка, набрасываемая другимъ корреспондентомъ, Всеволодомъ Крестовскимъ:

«Генералъ Ганецкій все время боя (во время вылазки плевненскаго гарнизона) разъѣзжалъ по войскамъ первой линіи и ободрялъ ихъ.

«— Кукурузники, не отступать и не смѣй думать объ этомъ!— съ веселымъ видомъ, грозя кулакомъ, кричалъ онъ нѣсколькимъ сибирскимъ ротамъ, передъ которыми въ одномъ мѣстѣ разстилалось кукурузное поле.

«— Ваше превосходительство, патроновъ нѣтъ! Разстрѣляли уже всѣ патроны,—отвѣчали ему изъ ложементовъ солдаты, показывая пустые подсумки.

«— Ну и наплевать, коли нѣтъ! Такіе молодцы и безъ патроновъ, однимъ штыкомъ, турнутъ непріятеля, да и батарею свою назадъ отберутъ!

«— Рады стараться, ваше превосходительство! Прикажите впередъ идти.

«— Не торопись, братцы; будетъ время—прикажу. Не бойсь, назади не останетесь! А патроны вотъ уже подвозятъ».

Указанная вылазка произошла, какъ извѣстно, 28 ноября 1877 г. Не смотря на отчаянный натискъ турокъ, И. С. съ своими гренадерами геройски отбилъ ихъ и тѣмъ самымъ принудилъ къ безусловной сдачѣ Османа-пашу со всей его 40,000-ой арміей. Это геройское дѣло навѣки прославило имя И. С. Ганецкаго. Сама нынѣ вдовствующая Государыня Императрица, тогда Цесаревна, Марія Ѳеодоровна, прислала ему поздравительную телеграмму.

«Отъ всей души», телеграфировала Цесаревна (1 декабря), поздравляю васъ съ блестящей побѣдой. Искренно радуюсь за васъ, что вамъ удалось способствовать общей радости».

Характеренъ отвѣтъ И. С-ча на эту телеграмму: «Глубоко тронутъ телеграммой Вашего Высочества. Примите душевную мою благодарность. Отправляясь принять гренадерскій корпусъ, имѣлъ счастье получить отъ Вашего Высочества благословеніе на трудную предстоящую службу. Этому искреннему благословенію отношу и побѣду, одержанную мною надъ Османомъ-пашою».

Въ битвѣ Ганецкій не жалѣлъ себя, нерѣдко очень близко подъѣзжая къ непріятельскимъ выстрѣламъ и подвергая себя опасности. Вслѣдствіе этого, напр., за два дня до сдачи Плевны (26 ноября), онъ былъ контуженъ въ голову, впрочемъ, не опасно. За взятіе Плевны онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 3-й степени.

Послѣ взятія Плевны И. С. продолжалъ оставаться въ дѣйствующей арміи, подвигаясь со своими войсками черезъ Габрово, Шипкинскій перевалъ, Казанлыкъ и такъ далѣе до побережья

Мраморнаго моря и Архипелага. Здѣсь 17 апрѣля 1878 г. И. С. былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи.

Черезъ четыре мѣсяца послѣ этого война окончилась, и Гонецкій со своими гренадерами возвратился въ Москву.

Въ первую годовщину взятія Плевны, 28 ноября 1878 г., былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, а въ третью годовщину, 28 ноября 1880 г., зачисленъ въ списки гренадерскаго астраханскаго полка.

21 мая 1881 г. И. С. назначенъ комендантомъ С.-Петербургской Петропавловской крѣпости. На этомъ посту онъ оставался до самой своей смерти, 8 апрѣля 1887 года.

Похороненъ онъ не въ оградѣ церкви Петропавловской крѣпости, гдѣ обыкновенно хоронятся коменданты, а въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ могилой своей жены, какъ самъ того пожелалъ передъ смертью.

Сверхъ многихъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ, Иванъ Степановичъ имѣлъ бронзовую на Владимірской лентѣ медаль въ память 1812 года съ надписью: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему». Извѣстно, что эта медаль, установленная высочайшимъ указомъ 30 августа 1814 года, выдавалась лицамъ, оказавшимъ какія-либо услуги своему отечеству въ тяжелую для него годину испытаній. И. С. Гонецкій получилъ ее въ 1818 году, когда ему было всего восемь лѣтъ. Прислана она была ему отъ предводителя дворянства Смоленской губерніи [1]).

Считаю необходимымъ предварительно представить общую картину состоянія Западнаго края во время Польскаго мятежа. Польскій противо-государственный заговоръ, втайнѣ подготовлявшійся извѣстнымъ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ, проявился въ 1861 году одновременно въ царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ. Въ первое время онъ выражался костельными процессіями, публичными пѣніями революціонныхъ гимновъ, ношеніемъ польскихъ цвѣтовъ съ символическими знаками, траурной одежды, чамарокъ, конфедератокъ, собираніемъ пожертвованій на патріотическое дѣло, печатаніемъ возмутительныхъ листковъ, оскорбленіемъ на улицахъ и на гуляньяхъ русскихъ людей и даже офицеровъ и солдатъ и пр. Русскія власти благодушно смотрѣли на эти выходки и какъ будто совѣстились принимать строгія мѣры противъ безпорядковъ; военнымъ чинамъ приказывалось даже избѣгать всякихъ столкновеній съ польскими обывателями и не отвѣчать на ихъ брань и насмѣшки. Снисходительность и безнаказанность поощряли главныхъ руководителей мятежа и усиливали дерзость уличныхъ негодяевъ и шляхты. Въ высшихъ петербургскихъ кругахъ и въ литературѣ

[1]) Медаль эта передавалась отъ отца къ дѣтямъ. Я тоже имѣю счастіе хранить эту серебряную медаль на голубой лентѣ, полученную моимъ отцомъ, подполковникомъ арзамазскаго конноегерскаго полка.

раздавались голоса въ защиту угнетенной польской народности, хотя въ западныхъ губерніяхъ дѣйствительно угнетенною народностью была не польская, а русская: кому неизвѣстно, въ какомъ униженіи паны и шляхта держали православныхъ священниковъ и крестьянъ и въ какомъ убожествѣ находились православныя церкви не только въ селеніяхъ, но даже въ городахъ и въ самой Вильнѣ? Нечего удивляться тому, что польскій мятежъ вспыхнулъ въ русскихъ губерніяхъ: мы сами ему потворствовали и усердно подкладывали горючіе матеріалы въ разгоравшійся революціонный пожаръ.

Въ сѣверозападныхъ губерніяхъ вооруженный мятежъ вспыхнулъ нѣсколько позже, чѣмъ въ Варшавѣ, именно въ началѣ 1863 года Въ этомъ мятежѣ были замѣшаны всѣ польскіе магнаты, помѣщики, ксендзы и шляхта. Они требовали присоединенія западныхъ губерній къ царству Польскому и возстановленія польскаго государства въ предѣлахъ 1772 года. Такіе поводы къ мятежу были непонятны и чужды не только русскому православному населенію, т. е. большинству жителей западныхъ губерній, но и мѣстнымъ крестьянамъ, католикамъ. Народъ не вѣрилъ льстивымъ обѣщаніямъ пановъ и шляхты; ни убѣжденія, ни угрозы, ни злодѣйства повстанцевъ, наводившихъ своими набѣгами ужасъ на беззащитныхъ поселянъ, не поколебали вѣрности и преданности ихъ правительству. Какъ ни старались поляки привлечь народъ на свою сторону и придать шляхетскому возмущенію характеръ общаго народнаго движенія, это имъ не удалось. Народъ совсѣмъ отдѣлился отъ нихъ и относился къ ихъ политической затѣѣ не только безучастно, но даже враждебно. Извѣстно, что крестьяне-старообрядцы сами распорядились захватить, перевязать и представить начальству повстанцевъ, собравшихся въ Витебской губерніи, подъ предводительствомъ помѣщика графа Моля, и намѣревавшихся овладѣть крѣпостью Динабургомъ. Въ Могилевской губерніи помѣщичій бунтъ былъ также укрощенъ крестьянами. Польскій мятежъ въ средѣ русскаго населенія былъ совершенно безсиленъ и легко могъ быть подавленъ быстрыми и рѣшительными мѣрами. Къ сожалѣнію, управленіе Сѣверо-западнымъ краемъ было въ слабыхъ рукахъ генералъ-губернатора Владиміра Ивановича Назимова. Скажемъ въ его оправданіе, что онъ былъ стѣсняемъ въ своихъ дѣйствіяхъ либеральными вѣяніями тогдашнихъ петербургскихъ правительственныхъ сферъ. Окруженный польскими панами изъ партіи такъ называемыхъ бѣлыхъ или умѣренныхъ, онъ смотрѣлъ на мятежъ совершенно неправильно и придавалъ ему значеніе, котораго онъ вовсе не заслуживалъ. В. И. Назимовъ былъ убѣжденъ, что мѣстные польскіе помѣщики представляютъ надежный консервативный элементъ, что они сами болѣе всѣхъ страдаютъ отъ вооруженнаго мятежа безпокойной шляхты; онъ даже вѣрилъ благонадежности капитана генеральнаго штаба

Сѣраковскаго (оказавшагося главнымъ вождемъ вооруженныхъ силъ мятежниковъ) и нерѣдко совѣщался съ нимъ и съ мѣстными польскими панами о мѣрахъ къ прекращенію волненій и къ успокоенію умовъ.

Въ Вильнѣ, какъ главномъ городѣ Сѣверо-западнаго края, имѣлъ мѣстопребываніе генералъ-губернаторъ и находилась вся наша высшая центральная администрація. Сюда предъ началомъ открытаго мятежа съѣхались самые вліятельные паны подъ тѣмъ предлогомъ, будто они нуждаются партіи ярыхъ, красныхъ революціонеровъ и ихъ вооруженныхъ шаекъ и опасаются жить въ своихъ имѣніяхъ. Въ дѣйствительности, цѣли были иныя: живя въ Вильнѣ, имъ удобнѣе было слѣдить за дѣйствіями правительства, совѣщаться между собою, сноситься съ единомышленниками въ Варшавѣ и Петербургѣ, дѣйствовать на генералъ-губернатора и на русскихъ чиновниковъ. Имѣя повсемѣстно своихъ агентовъ, они, при содѣйствіи ксендзовъ, подстрекали жителей городовъ и мѣстечекъ къ политическимъ демонстраціямъ, вербовали вооруженныя банды и помогали повстанцамъ укрываться въ лѣсахъ, на мызахъ, фольваркахъ и пр. Отсюда ихъ шайки дѣлали набѣги, жгли деревни, вѣшали и истязали православныхъ священниковъ, крестьянъ и другихъ преданныхъ правительству людей, грабили хлѣбные магазины, отбирали деньги въ кассахъ волостныхъ правленій, уводили крестьянскихъ лошадей, рогатый скотъ и пр.

Высылая военные отряды для истребленія повстанцевъ и жандармовъ вѣшателей, генералъ Назимовъ былъ крайне снисходителенъ къ мирнымъ политическимъ демонстраціямъ, въ которыхъ принимали участіе ксендзы, послушныя имъ толпы богомолокъ и костельныхъ братчиковъ, знатныя пани съ дѣтьми, гулящая шляхта, ученики гимназій и дворянскихъ училищъ, канцелярскіе чиновники и писцы и пр. Оскорбленіе на улицахъ русскихъ людей сдѣлалось въ Вильнѣ обычнымъ явленіемъ. Однимъ словомъ, въ Вильнѣ повторялось тоже, что и въ Варшавѣ. Уличные негодяи позволяли себѣ дерзости даже противъ семейства генералъ-губернатора. При встрѣчѣ на улицѣ съ викаріемъ Литовской епархіи, благодушнѣйшимъ епископомъ Ковенскимъ Александромъ (впослѣдствіи архіепископомъ Литовскимъ и Виленскимъ), одна ярая полька плюнула ему въ лицо. В. И. Назимовъ посѣтилъ преосвященнаго, выразилъ ему глубокое соболѣзнованіе, но не принялъ мѣръ къ отысканію и наказанію виновной.

Поощряемые безнаказанностію поляки, твердо надѣявшіеся на иностранное дипломатическое за нихъ заступничество, долго бы продолжали свою агитацію. Къ счастію, В. И. Назимовъ въ маѣ 1863 года оставилъ Вильну, и въ управленіе взволнованнымъ и измученнымъ Сѣверо-западнымъ краемъ вступилъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Съ его прибытіемъ положеніе дѣлъ мгновенно измѣнилось. Новый генералъ-губернаторъ от-

лично зналъ Сѣверо-западный край и поляковъ, и послѣдніе, съ своей стороны также хорошо его знали и боялись. Михаилъ Николаевичъ былъ увѣренъ, что уличными демонстраціями и вооруженнымъ мятежемъ руководила такъ называемая бѣлая партія, что мѣстная польская знать и шляхта, шумѣвшая въ городахъ и участвовавшая въ вооруженныхъ бандахъ, были орудіемъ въ рукахъ польской знати. Что касается крестьянскаго населенія, то Муравьевъ ни минуты не сомнѣвался въ его преданности Государю и Россіи.

Въ числѣ первыхъ его распоряженій было выслать всѣхъ пановъ изъ Вильны въ ихъ помѣстья, съ приказаніемъ никуда оттуда не отлучаться безъ разрѣшенія военноуѣздныхъ начальниковъ, и призвать все крестьянское населеніе къ устройству сельскихъ карауловъ для поимки повстанцевъ и для содѣйствія войскамъ въ истребленіи бродившихъ по лѣсамъ шаекъ.

2 іюня 1863 г. М. Н. Муравьевъ обратился къ «сельскимъ обывателямъ губерній Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской» съ воззваніемъ, въ которомъ говорилъ между прочимъ слѣдующее:

«Люди злонамѣренные подняли знамя буйства противъ законнаго своего Государя; съ помощью ксендзовъ, изъ коихъ многіе измѣнили долгу присяги и обязанностямъ своего духовнаго званія, они стараются именемъ Божіимъ вовлечь васъ въ преступленіе. Но они ошиблись; настоящій мятежъ далъ вамъ случай доказать на дѣлѣ преданность вашу Государю».

«Для собственнаго каждаго изъ васъ и семействъ вашихъ спокойствія призываю васъ къ немедленному образованію вооруженныхъ сельскихъ карауловъ по указанію и распоряженію военнаго начальства. Съ помощью ихъ смѣло и безбоязненно станьте лицомъ къ лицу противъ бунтовщиковъ. Помните, что отъ вашего соединеннаго дѣйствія зависитъ скорѣйшее возстановленіе спокойствія и огражденіе жилищъ вашихъ отъ разграбленія».

Это достопамятное воззваніе къ народу, изданное въ самый разгаръ шляхетскаго мятежа и доказывающее полное и смѣлое довѣріе, которое главный начальникъ Сѣверо-западныхъ губерній питалъ къ народу, напечатано въ изданной въ 1866 г. въ Вильнѣ книгѣ подъ заглавіемъ: «Сборникъ распоряженій графа М. Н. Муравьева по усмиренію польскаго мятежа въ сѣверозападныхъ губерніяхъ 1863—1864 г. Составилъ Н. Цыловъ».

Крестьяне вполнѣ оправдали довѣріе къ нимъ М. Н. Муравьева. Вмѣстѣ съ нашими военными отрядами сельскіе караулы ловили и вязали бунтовавшую шляхту. Благодаря дружнымъ усиліямъ войскъ и крестьянъ, мятежъ былъ прекращенъ въ короткое время, и во всемъ обширномъ краѣ водворились порядокъ и безопасность.

РАЗСКАЗЫ О ПОЛЬСКОМЪ МЯТЕЖѢ.

I.

Кантонистъ.

Въ ЯНВАРѢ 1863 года полки второй гвардейской пѣхотной дивизіи, московскій, павловскій, гренадерскій и финляндскій, отправлены были изъ Петербурга по Варшавской желѣзной дорогѣ въ Сѣверо-западный край для усиленія стоявшихъ тамъ армейскихъ войскъ. Первымъ изъ Петербурга выступилъ финляндскій полкъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Ивана Степановича Гонецкаго. 1 февраля 1863 года И. С. вступилъ въ Вильну и оставленъ тамъ съ своимъ полкомъ, смѣнившимъ армейскій, переведенный въ другое мѣсто.

Узнавъ, до какой степени были распущены въ Вильнѣ поляки и какія дерзости позволяли они себѣ даже съ офицерами и солдатами, И. С. рѣшился положить конецъ этимъ безобразіямъ.

Пригласивъ офицеровъ и потребовавъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, онъ просилъ ихъ соблюдать строгую дисциплину, оберегать честь и добрую славу полка и смотрѣть, чтобы никто изъ нижнихъ чиновъ не смѣлъ обижать мирныхъ жителей; «но, присовокупилъ онъ, если какой нибудь изъ здѣшнихъ мерзавцевъ позволитъ себѣ дерзость, то не давать себя въ обиду и защищать честь полкового мундира». Всѣмъ нижнимъ чинамъ, даже музыкантамъ и писарямъ, приказано было носить на улицахъ тесаки.

Случилось, что писарь, лѣтъ 16-ти, изъ кантонистовъ, былъ посланъ старшимъ писаремъ въ лавку за бумагой и чернилами. Въ то время, какъ онъ разсчитывался съ купцомъ, вбѣгаетъ въ лавку какой-то долговязый съ огромными усищами шляхтичъ и, толкнувъ кантониста, требуетъ для себя пакетовъ. Купецъ попросилъ обождать, пока онъ разсчитается; но шляхтичъ, нагло взглянувъ на мальчика, крикнулъ: «Вотъ еще дожидаться такого хайдака! Давай пакеты»! Едва успѣлъ онъ это сказать, какъ оскорбленный мальчикъ выхватилъ тесакъ и бросился на шляхтича. Оробѣвшій шляхтичъ быстро выскочилъ на улицу и пустился улепетывать, а писарь за нимъ съ обнаженнымъ тесакомъ. Тутъ подоспѣлъ полицейскій и остановилъ разъяреннаго мальчика. Его привели къ Ивану Степановичу. Удостовѣрясь, какъ было дѣло, генералъ похвалилъ браваго мальчика, далъ ему отъ себя небольшую денежную награду и объявилъ благодарность въ приказѣ по полку. Поляки тотчасъ же воспользовались этимъ случаемъ и распустили клевету, будто солдаты генерала Гонецкаго гоняются по улицамъ за мирными жителями съ обнаженными тесаками, бьютъ народъ и дѣлаютъ всякія безчинства. И. С., по поводу этихъ нелѣпыхъ слуховъ, имѣлъ объясненіе съ начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-адъютантомъ Бистромовъ. Ему писали изъ Петербурга и умоляли-

чтобы онъ поберегъ свою служебную репутацію и остановилъ буйство своихъ солдатъ.

Можно ли было ожидать, чтобы совершенно ничтожный случай произвелъ не только въ Вильнѣ, но даже въ Петербургѣ переполохъ? И. С. опасался даже, что это послужитъ поводомъ къ удаленію его изъ Вильны, и только тогда совершенно успокоился, когда генералъ-адъютантъ Бистромъ, по возвращеніи изъ Петербурга, передалъ ему благодарность Государя Императора за хорошее поведеніе его полка.

Дѣйствительно, виленскіе поляки стали побаиваться финляндскаго полка и присмирѣли. Графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ, которому тогда ввѣренъ былъ военно-полицейскій надзоръ за Варшавскою желѣзною дорогою, увидѣвъ однажды Ивана Степановича въ Вильнѣ, на вокзалѣ желѣзной дороги, спросилъ его:

— Что такое случилось съ Вильною? Она перемѣнилась; ее узнать нельзя. Недавно еще русскимъ опасно было ходить по улицамъ; оскорбляли даже офицеровъ.

— Спокойнѣе стало отъ того, — отвѣчалъ Гонецкій, — что въ Вильну вступилъ финляндскій полкъ.

Многіе опасались, что поляки устроятъ демонстрацію на площади противъ дворца, въ которомъ проживало семейство генералъ-губернатора. Супруга В. И. Назимова спросила часового финляндскаго полка, стоявшаго у воротъ дворца, можетъ-ли караулъ отстоять дворецъ въ случаѣ нападенія?—Не извольте безпокоиться, отвѣчалъ часовой: никакая шляхта противъ насъ не пойдетъ; побоятся!

II.

Плѣнъ Сѣраковскаго.

Въ последнихъ числахъ марта 1863 года былъ посланъ изъ Вильны на Вилкомирскій трактъ, въ м. Мейшагоны, для наблюденія за повстанцами полковникъ Крамеръ съ 1-ю стрѣлковою и 5-ю линейною ротами л.-гв. финляндскаго полка.

19 апрѣля, часу въ первомъ ночи, явился въ Вильну къ командиру полка И. С. Гонецкому тысяцкій изъ м. Ширвинтъ съ донесеніемъ отъ Крамера, который извѣщалъ, что, узнавъ о появленіи шайки въ м. Ширвинтахъ, онъ поспѣшилъ туда съ своимъ отрядомъ, но уже не засталъ тамъ повстанцевъ. По ихъ слѣдамъ онъ прошелъ еще восемь верстъ, до деревни Киванцы, и въ трехъ или четырехъ верстахъ за этою деревнею, въ лѣсу, въ укрѣпленной окопами мѣстности, онъ натолкнулся на непріятельскій лагерь, въ которомъ, по разсказамъ крестьянъ, было не менѣе 600 хорошо вооруженныхъ людей подъ предводительствомъ Колышки. Увидѣвъ мятежниковъ, открывшихъ изъ-за окоповъ ружейный огонь, наши солдаты стремительно бросились въ укрѣпленный лагерь и выгнали повстанцевъ, которые въ безпорядкѣ разбѣжались; при этомъ нѣсколько солдатъ было ранено.

Крамеръ остерегся преслѣдовать бѣглецовъ, опасаясь встрѣчи съ болѣе сильнымъ врагомъ, и рѣшился возвратиться въ м. Ширвинты и ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Встревоженный полученнымъ донесеніемъ, И. С. Гонецкій призналъ необходимымъ немедленно отправиться въ м. Ширвинты и лично удостовѣрится въ положеніи дѣла.

Несмотря на позднюю ночь, онъ поспѣшилъ къ начальнику дивизіи, генералъ-адъютанту Бистрому, котораго засталъ въ постели. Генералъ Бистромъ вполнѣ одобрилъ предположеніе его выступить на разсвѣтѣ въ м. Ширвинты съ двумя ротами финляндскаго полка. Оставалось испросить на это согласіе Владиміра Ивановича Назимова.

Сего послѣдняго также разбудили. Онъ вышелъ къ И. С-чу въ халатѣ, очень благодарилъ его за быстроту и распорядительность, позволилъ взять, кромѣ двухъ ротъ, еще взводъ гвардейскихъ казаковъ и отправить въ м. Ширвинты на курьерскихъ съ конвоемъ изъ четырехъ стрѣлковъ, полковаго фельдшера для помощи раненымъ. На клочкѣ бумаги онъ написалъ губернскому почтмейстеру г. Россильону о немедленной выдачѣ курьерской тройки.

Выступивъ съ своимъ отрядомъ 19 апрѣля на разсвѣтѣ изъ Вильны, И. С. къ 10-ти часамъ вечера былъ уже въ м. Ширвинтахъ; онъ сдѣлалъ переходъ почти въ 50 верстъ. Отрядъ полковника Крамера встрѣтилъ его съ радостными криками «ура»! Солдаты смотрѣли бодро и весело. Изъ разспросовъ оказалось, что, увидѣвъ непріятеля, весь отрядъ, какъ одинъ человѣкъ, не дожидаясь приказанія своихъ офицеровъ, бросился на повстанцевъ и выбилъ ихъ изъ окоповъ.

И. С. поблагодарилъ солдатъ за ихъ молодецкое дѣло, а полковнику Крамеру и офицерамъ замѣтилъ, что солдаты не должны начинать дѣла безъ ихъ приказанія.

Непріятель понесъ большія потери убитыми и ранеными. У насъ было всего четверо убитыхъ и шестеро раненыхъ. Послѣднихъ фельдшеръ, прибывшій ночью на курьерской тройкѣ, успѣлъ уже перевязать. Они радостно поздоровались съ Иваномъ Степановичемъ, который пришелъ ихъ навѣстить и поблагодарить за храбрость.

20 апрѣля нѣсколько нашихъ мелкихъ отрядовъ обошли въ разныхъ направленіяхъ окрестности, верстъ на шестьдесятъ кругомъ, были на мѣстѣ вчерашняго сраженія, осмотрѣли мызы, фольварки, сараи, и нигдѣ не оказалось никакихъ слѣдовъ повстанцевъ.

Только на одной мызѣ найденъ былъ запасъ лазаретной одежды, бѣлья, кроватей, перевязочныхъ средствъ, хирургическихъ инструментовъ, лекарствъ и всего, что требуется для походнаго лазарета. Хозяинъ мызы, полякъ, мировой посредникъ Вилкомирскаго уѣзда, изъ отставныхъ инженеровъ путей сообщенія, былъ въ отсутствіи. Его жена, увѣрявшая, будто несчастнаго

ея мужа преслѣдуютъ повстанцы за его преданность русскому правительству, пригласила офицеровъ и солдатъ къ закускѣ; но никто не принялъ ея угощенія.

Убѣдившись, что въ этой мѣстности все спокойно, И. С. Гонецкій рѣшилъ возвратиться въ Вильну со всѣмъ своимъ отрядомъ.

21 апрѣля, въ 5 часовъ утра, солдаты были уже въ строю, совсѣмъ готовые къ выступленію. Какъ на зло, всѣ офицеры и даже ихъ денщики опоздали. И. С., крѣпко раздосадованный такою неисправностью, обошелъ всѣ избы и разбудилъ сонныхъ офицеровъ. Денщикамъ онъ пригрозилъ, что, по приходѣ въ Вильну, подтянетъ ихъ и прикажетъ обучать строевой выправкѣ. Въ ожиданіи офицеровъ, онъ велѣлъ подать себѣ стаканъ чаю.

Вдругъ на Виленскомъ шоссе показалась несшаяся во весь духъ курьерская телѣжка. Она остановилась, какъ вкопанная, прямо противъ И. С-ча. Сидѣвшій въ ней поручикъ стрѣлковаго батальона Императорской Фамиліи, ординарецъ Назимова, подалъ И. С-чу пакетъ съ предписаніемъ генералъ-губернатора. Въ немъ было сказано, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, въ окрестностяхъ Вилькомира, Поневѣжа и въ Александровскомъ уѣздѣ собрались вооруженныя шайки, числомъ до 20.000 человѣкъ. Для повѣрки этихъ свѣдѣній И. С-чу приказано немедленно, со всѣмъ отрядомъ, идти чрезъ Вилькомиръ на м. Оникшты, гдѣ, по слухамъ, были главныя силы мятежниковъ. Ему предложено было во время пути присоединять къ своему отряду всѣ военныя команды, квартировавшія въ Вилькомирѣ и въ другихъ селеніяхъ, расположенныхъ по дорогѣ въ м. Оникшты. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобъ идти въ Вильну, Иванъ Степановичъ долженъ былъ направиться въ противоположную сторону. Его отрядъ состоялъ изъ 1-й и 2-й стрѣлковыхъ и 3-й линейной ротъ финляндскаго полка и взвода лейбъ-казаковъ. 5-я линейная рота, подъ командою штабсъ-капитана Рудановскаго, съ плѣнными повстанцами, съ больными и ранеными солдатами и съ излишними повозками и вещами, отправлена назадъ въ Вильну.

Въ тотъ же день, 21 апрѣля, И. С. прибылъ поздно вечеромъ въ Вилькомиръ. Здѣсь присоединились къ нему квартировавшія въ этомъ городѣ двѣ роты софійскаго и нарвскаго полковъ, подъ начальствомъ маіора Гильцбаха, два уланскихъ полуэскадрона курляндскаго и петербургскаго полковъ и сотня донскихъ армейскихъ казаковъ.

Вилькомирскій военно-уѣздный начальникъ, полковникъ Барановскій, получая съ разныхъ сторонъ свѣдѣнія о повстанцахъ и ничего не зная объ ихъ намѣреніяхъ и численности, былъ постоянно наготовѣ къ бою. Опасаясь нечаяннаго нападенія, онъ спалъ не на своей квартирѣ, а на гауптвахтѣ, при которой стоялъ днемъ и ночью сильный караулъ. Въ самомъ Вилькомирѣ было арестовано нѣсколько подозрительныхъ личностей въ чамаркахъ, охотничьихъ сапогахъ и съ револьверами въ карманахъ. Въ народѣ ходили слухи о многочисленныхъ шайкахъ, о глав-

номъ предводителѣ ихъ, литовскомъ воеводѣ, никому тогда неизвѣстномъ, какомъ-то Доленгѣ. На этого Доленгу поляки возлагали большія надежды. Говорили, будто онъ со своими войсками пробирается въ Либаву на соединеніе съ польскими и русскими эмигрантами и иностранными волонтерами, которые, подъ начальствомъ Бакунина, идутъ на пароходахъ изъ Франціи и высадятся въ Либавѣ.

Проведя въ Вилкомирѣ ночь, Н. С. выступилъ 22 апрѣля на разсвѣтѣ въ м. Оникшты, гдѣ онъ ожидалъ встрѣтиться съ многочисленнымъ непріятелемъ. Въ авангардѣ и въ головѣ походной колонны шли три роты финляндскаго полка, а въ хвостѣ колонны и въ аріергардѣ софійская и нарвская роты подъ начальствомъ маіора Гильцебаха. Обозъ долженъ былъ слѣдовать въ промежуткѣ между хвостомъ колонны и аріергардомъ.

По выходѣ изъ города, Н. С. остановился, чтобы пропустить мимо себя отрядъ и посмотрѣть все-ли въ порядкѣ.

Онъ замѣтилъ нѣсколько повозокъ, которыя шли впереди другихъ не за хвостомъ колонны, какъ было назначено, а въ самой колоннѣ, окруженныя армейскими солдатами, составлявшими какъ-будто охрану.

— Что это за повозки?—спросилъ Н. С.—Зачѣмъ онѣ идутъ не тамъ, гдѣ приказано?

— Это гвардейскія повозки, ваше превосходительство,—отвѣчалъ маіоръ Гильцебахъ.

— Такъ что-жъ такое, что гвардейскія! Развѣ не все равно, какія повозки? Уберите ихъ отсюда, чтобъ онѣ шли на своихъ мѣстахъ и не мѣшали солдатамъ.

Н. С. остановилъ отрядъ и вызвалъ къ себѣ офицеровъ.

— Господа,—сказалъ онъ,—маіоръ Гильцебахъ дѣлаетъ какое-то различіе между арміею и гвардіею; даже гвардейскія повозки у него важнѣе армейскихъ. Это не должно быть. Всѣ мы равны, всѣ мы солдаты и вѣрные слуги Государя Императора. Чтобы этого различія у насъ не было! Кто честно служитъ и храбро дерется, тотъ и гвардеецъ.

Этотъ случай имѣлъ на войска хорошее нравственное вліяні и сблизилъ гвардейцевъ съ армейцами.

На 4-й или 5-й верстѣ отъ Вилкомира какой-то русскій крестьянинъ догналъ Н. С-ча и обратился къ нему съ просьбою:

— Батюшка, защити! Меня обидѣлъ казачій сотникъ: взялъ у меня сѣна на три рубля, а денегъ не отдалъ. Прикажи разсчитаться.

Торопясь въ Оникшты и не имѣя возможности провѣрить на походѣ жалобу крестьянина, Н. С. приказалъ ему явиться съ этою просьбою, когда отрядъ будетъ возвращаться.

Дорогою во многихъ мѣстахъ видны были слѣды пребыванія повстанцевъ: хлѣбные сельскіе магазины были разграблены, народъ въ страхѣ. Разсказывали, что въ м. Субочъ Доленга

приказалъ повѣсить сотскаго, въ м. Скопишкахъ сожгли сельское управленіе.

Старовѣры, чрезъ деревни которыхъ проходилъ отрядъ, говорили, будто у Доленги много войска и есть пушки; ихъ бабы провожали солдатъ съ причитаніями, какъ на вѣрную смерть. Жиды были такъ увѣрены въ побѣдѣ повстанцевъ и истребленіи нашего небольшого отряда, что какъ будто впередъ заискивали милости будущихъ побѣдителей. Они избѣгали насъ и остерегались оказывать услуги даже за деньги.

22 апрѣля, вечеромъ, отрядъ вступилъ въ м. Оникшты, нигдѣ не встрѣтивъ ни одного повстанца. Здѣсь присоединились къ отряду прибывшіе подъ начальствомъ маіора Мерлина изъ м. Рогова 1-я рота и 1-й взводъ 4-й роты копорскаго полка. Второй взводъ этой роты догналъ отрядъ двумя днями позже, въ м. Шимандахъ.

По разсказамъ жителей, верстахъ въ 15-ти отъ Оникштъ, въ лѣсу на р. Свентѣ, у фольварка Кнебье, стояла болѣе двухъ мѣсяцевъ въ укрѣпленномъ лагерѣ многочисленная шайка. Никѣмъ не тревожимая, она преспокойно занималась фронтовыми ученьями и стрѣльбою въ цѣль, и къ ней постепенно присоединялись шайки, приходившія изъ Поневѣжскаго и Ново-Александровскаго уѣздовъ. Не вѣрится, чтобы все это происходило не въ какой-нибудь отдаленной и недоступной мѣстности, а въ Ковенской губерніи, на виду у военныхъ и гражданскихъ властей, жандармовъ и полиціи, и невольно вспоминаются слова незабвеннаго М. Н. Муравьева про это время: «Наше счастье, что поляки взбунтовались. Если бы они сидѣли смирно, мы продолжали бы спать, да спать, а годика черезъ три они бы насъ и вынесли отсюда, какъ младенцевъ, въ люлькахъ».

21 апрѣля, узнавъ о приближеніи отряда Н. С., повстанцы оставили свой лагерь и ушли въ направленіи къ курляндской границѣ. Уланы и казаки, посланные для развѣдокъ, видѣли въ покинутомъ лагерѣ мишени для цѣльной стрѣльбы, запасы дровъ, досчатые балаганы и другіе слѣды продолжительной военной стоянки.

Повстанцы уйти далеко не могли, и надо было только напасть на ихъ слѣдъ. Кромѣ этой заботы, на душѣ у Н. С-ча была еще другая забота, о продовольствіи отряда: солдаты шли налегкѣ и имѣли на себѣ печенаго хлѣба только на двое сутокъ.

Вечеромъ, 22 апрѣля, накапунѣ выступленія изъ Оникштъ въ м. Андронишки, Н. С. пригласилъ къ себѣ старшихъ офицеровъ для совѣщанія о продовольствіи отряда.

Кто-то предложилъ устроить въ м. Оникштахъ хлѣбопекарню. Но для этого пришлось бы оставить для ея охраны вооруженный караулъ; явились бы и другія затрудненія: какъ доставлять хлѣбъ въ отряды, находящіеся въ непрерывномъ движеніи, и гдѣ ихъ отыскивать? Понадобились бы подводы, проводники, конвойные.

Не придя ни къ какому заключенію, Н. С. предложилъ своимъ усталымъ собесѣдникамъ собратся къ нему утромъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о продовольствіи.

Н. С. занималъ большую комнату съ досчатой перегородкой, за которой стояла его кровать. Онъ пробовалъ заснуть, но неотвязчивая мысль о продовольствіи отгоняла сонъ. Вдругъ счастливая мысль осѣнила его, и онъ громко вскрикнулъ: «нашелъ!

— Не въ голодной мы пустынѣ,—подумалъ онъ,—и не велика наша армія! Здѣсь народъ зажиточный; въ каждомъ селеніи и въ каждой корчмѣ можемъ покупать мясо, хлѣбъ, водку. У повстанцевъ втрое болѣе народа, чѣмъ у насъ, а не мрутъ же они съ голоду.

Это соображеніе совершенно его ободрило; онъ сталъ уже засыпать. Вдругъ за перегородкой раздался голосъ состоявшаго при отрядѣ капитана генеральнаго штаба Лаврова *):

— Ваше превосходительство, когда прикажете отряду выступать и какое угодно сдѣлать распоряженіе о продовольствіи?

— Въ шесть утра. Продовольствіе будетъ. Прощайте, Лавровъ, покойной ночи!

Утромъ, 23 числа, предъ выступленіемъ отряда, собрались въ квартиру Н. С-ча старшіе офицеры.

— Господа,—сказалъ онъ,—людей у насъ немного: во всякомъ мѣстечкѣ и на мызахъ всегда найдемъ провизію и будемъ ее покупать. Довольно ли у васъ денегъ? Если мало, выдамъ своихъ 500 р.; а если и этого не хватитъ, вытребуемъ изъ уѣзднаго казначейства. Извольте такъ распоряжаться, чтобы на людяхъ было всегда печенаго хлѣба не менѣе какъ на двое сутокъ, мяса по фунту въ день и по чаркѣ водки на человѣка.

Н. С. зналъ, что у армейцевъ пища была плохая, хотя порціонныхъ денегъ имъ отпускалось столько же, сколько и на гвардейскихъ солдатъ. Онъ объявилъ, что если замѣтитъ, что солдатская пища въ армейскихъ ротахъ хуже, чѣмъ въ ротахъ финляндскаго полка, то виноватыхъ немедленно уволитъ изъ отряда на всѣ четыре стороны: пусть они уходятъ, куда угодно, хоть къ повстанцамъ.

Распоряженіе Н. С-ча по продовольствію отряда оказалось чрезвычайно удачнымъ: экспедиція противъ Доленги продолжалась около двухъ недѣль, и во все это время никакого недостатка въ пищѣ не было; люди были всегда сыты, довольны, могли безъ устали дѣлать быстрые и большіе переходы.

— Откуда это, братцы, у васъ такой генералъ?—спрашивали армейскіе солдаты финляндскихъ стрѣлковъ. Видали мы разныхъ начальниковъ, а такого не было, чтобы каждый день нашъ братъ, армейскій солдатъ, получалъ водку и говядину.

Сдѣлавъ 23 апрѣля небольшой переходъ въ 14 верстъ, отрядъ вступилъ въ м. Андроникишки. Здѣсь такъ же, какъ и въ

---

*) Убитъ подъ Телишемъ, въ послѣднюю Турецкую войну.

м. Оппкитахъ, не оказалось мятежниковъ. Желая скорѣе напасть на ихъ слѣдъ, И. С. рѣшился раздѣлить свой отрядъ на три колонны и двинуть ихъ по тремъ дорогамъ, которыя идутъ въ одномъ направленіи къ курляндской границѣ и выходятъ въ разныхъ мѣстахъ на шоссе, ведущее изъ Ново-Александровска въ м. Радзивилишки.

Правая колонна изъ $1^1/_2$ ротъ копорскаго полка и сотни донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ маіора Мерлина, должна была направиться на Свядосце, Скопишки и Понедѣль. Средняя колонна, при которой находился И. С., состоявшая изъ трехъ ротъ финляндскаго полка, полуэскадрона с.-петербургскаго уланскаго полка и взвода лейбъ-казаковъ, должна была идти на Шимапцы, Купишки и Герстейку. Лѣвой колоннѣ, изъ двухъ ротъ софійскаго и нарвскаго полковъ и полуэскадрона курляндскаго уланскаго полка подъ командою маіора Гильцебаха, назначено слѣдовать на м. Субочь, Милюны, Вобольники и Биржу. Всѣ три колонны, находясь на близкомъ одна отъ другой разстояніи, должны были поддерживать постоянныя между собою сношенія.

24 апрѣля отрядъ раздѣлился, согласно диспозиціи, на три колонны, и каждая колонна направилась изъ Андронишекъ по своей дорогѣ.

Пройдя около 16-ти верстъ, колонна Ивана Степановича остановилась въ м. Шимапцахъ.

Сюда прибылъ изъ окрестностей м. Рогова 2-й взводъ 4-й роты копорскаго полка. Такъ какъ 1-й взводъ этой роты находился въ отрядѣ маіора Мерлина, то И. С. приказалъ прибывшему къ нему 2-му взводу немедленно отправиться на подводахъ въ Понедѣль, догнать колонну маіора Мерлина и присоединиться къ своей ротѣ.

Проживающіе въ м. Шимапцахъ русскіе старовѣры разсказывали, что здѣсь проходила шайка Доленги, и будто бы самъ Доленго требовалъ отъ декана, настоятеля мѣстнаго костела, чтобы онъ собралъ своихъ прихожанъ и торжественно прочелъ имъ съ амвона воззваніе о поголовномъ возстаніи противъ Россіи и о возстановленіи Польши. Но деканъ, несмотря на угрозы и на пистолетъ, приставленный къ его груди, рѣшительно объявилъ, что безъ разрѣшенія епископа, онъ ни за что не исполнитъ этого требованія. И. С. нарочно пошелъ къ декану на домъ, чтобы показать предъ народомъ свое къ нему уваженіе.

Проведя ночь въ Шимапцахъ, И. С. 25 апрѣля, на разсвѣтѣ, пришелъ въ Герстейку. Жители этого селенія ввели его въ заблужденіе разсказами о находившейся будто бы невдалекѣ шайкѣ. Въ поискахъ за нею онъ потерялъ нѣсколько часовъ.

Неимѣніе извѣстій изъ отрядовъ Мерлина и Гильцебаха очень его безпокоило. Желая получить точныя свѣдѣнія объ отрядѣ Мерлина, И. С. послалъ около полудня въ м. Понедѣль

(отстоящее въ 12-ти верстахъ отъ Герстейки) полуэскадронъ петербургскихъ улановъ подъ начальствомъ ротмистра Износкова. Этотъ распорядительный и храбрый офицеръ отлично зналъ мѣстность, такъ какъ онъ долгое время квартировалъ въ Понедѣлѣ съ резервнымъ дивизіономъ.

Въ тотъ же день въ 10 часовъ вечера были отправлены въ Понедѣль на паре конной подводѣ четыре расторопныхъ стрѣлка. Имъ было приказано получить отъ ротмистра Износкова извѣстіе объ отрядѣ маіора Мерлина и тотчасъ же возвратиться въ Герстейку съ отвѣтомъ.

Въ 1-мъ часу ночи 26 апрѣля стрѣлки возвратились и привезли И. С-чу отъ Износкова обстоятельное донесеніе. Износковъ писалъ, что къ нему пріѣзжалъ подпоручикъ копорскаго полка Вангасъ, посланный маіоромъ Мерлинымъ изъ д. Медейки, съ пакетомъ на имя И. С-ча. Вангасъ сообщалъ Износкову, что маіоръ Мерлинъ 25 апрѣля напалъ въ м. Понедѣлѣ на слѣдъ многочисленной шайки и погнался за нею. Въ м. Понелѣ ему сказали, что чрезъ это мѣсто часа четыре тому назадъ прошла шайка изъ 500 или 600 человѣкъ и направилась въ д. Медейку. Казаки, слѣдовавшіе впереди отряда, захватили въ плѣнъ, не доходя м. Медейки, нѣсколько вооруженныхъ повстанцевъ, которые показали, что они отстали отъ шайки Доленги. Жители м. Медейки объявили, что повстанцы прошли чрезъ мѣстечко не болѣе какъ полчаса тому назадъ.

Казаки тотчасъ же пустились въ погоню на рысяхъ, пѣхота ускорила шагъ. Казаки настигли шайку на опушкѣ лѣса, чрезъ который проходитъ дорога въ м. Радзивилишки. Началась перестрѣлка. Вскорѣ подоспѣли копорцы. Вмѣстѣ съ казаками дружнымъ натискомъ они выбили мятежниковъ, засѣвшихъ въ лѣсу и по сторонамъ дороги, и погнались за ними.

Доленго намѣренъ былъ завлечь Мерлина въ лѣсъ и затѣмъ окружить его, пославъ часть шайки въ тылъ. Но казаки замѣтили во время обходное движеніе, и нашъ отрядъ остановилъ преслѣдованіе, положивъ убитыми и ранеными до 60-ти повстанцевъ, и возвратился вечеромъ того же 25 апрѣля въ Медейку. У насъ выбыло изъ строя только 2 убитыхъ и 4 раненыхъ. Взводъ 4-й роты копорскаго полка, посланный на подводахъ къ маіору Мерлину изъ м. Шимановъ, прибылъ благополучно въ Медейку вскорѣ послѣ сраженія и присоединился къ своей ротѣ. Въ заключеніе своего донесенія ротмистръ Износковъ сообщилъ, что подпоручикъ Вангасъ, перемѣнивъ лошадей, тотчасъ же поѣхалъ въ м. Герстейку.

Не дожидаясь прибытія этого офицера, И. С. рѣшился немедленно идти къ Мерлину и приказалъ ударить сборъ. Въ солдатскихъ котлахъ варилась пища; офицеры просили отложить выступленіе на два часа времени, чтобы накормить солдатъ; но И. С. не согласился и велѣлъ вылить изъ котловъ варку «Нельзя откладывать,—сказалъ онъ:—теперь каждая минута до-

рога. Кто не въ силахъ идти, пусть остается». Разумѣется, никто не остался. Въ 2 часа ночи 26 апрѣля отрядъ выступилъ изъ Герстейки и къ четыремъ часамъ утра прибылъ въ Понедѣль. Здѣсь его ожидало болѣе ста подводъ, заготовленныхъ ротмистромъ Износковымъ, который догадался, что Н. С. не промедлитъ ни минуты въ Герстейкѣ и тотчасъ же пойдетъ въ Медейку.

Благодаря этимъ подводамъ, на которыя стрѣлки по очереди садились, отрядъ прошелъ безъ остановки болѣе 30 верстъ и въ полдень прибылъ въ Медейку, гдѣ и соединился съ отрядомъ Мерлина.

Хорошо, что Износковъ не положился на исправность Вангаса и послалъ отъ себя донесеніе къ Н. С-чу. Вангасъ совсѣмъ не попалъ въ Герстейку. Онъ сбился съ дороги и возвратился въ Медейку, не исполнивъ порученія.

Прибывшія войска отдохнули въ Медейкѣ не болѣе двухъ часовъ. Затѣмъ всѣ наличныя силы, а именно: три роты финляндскаго полка, двѣ роты копорцевъ и лейбъ-казаки выступили изъ Медейки въ два часа дня прямо на то мѣсто, верстахъ въ трехъ отъ деревни, гдѣ наканунѣ происходило сраженіе.

При отрядѣ были проводники изъ лѣсниковъ и нѣсколько подводъ. Ротмистръ Износковъ съ своими уланами былъ оставленъ въ Медейкѣ, для охраны раненыхъ и обоза и для разъѣздовъ въ нашемъ тылу. День былъ ненастный; перепадалъ дождь.

Отрядъ выступилъ навстрѣчу непріятелю, имѣя въ первой линіи 1-ю и 2-ю стрѣлковыя роты финляндскаго полка, которыя шли разсыпнымъ строемъ; 1-я рота, капитана Кушакевича, была на правомъ флангѣ, а 2-я рота, капитана Засса, на лѣвомъ флангѣ. Во второй линіи слѣдовали въ ротныхъ колоннахъ: на правомъ флангѣ 3-я линейная рота финляндскаго полка, а на лѣвомъ флангѣ 4-я рота копорскаго полка. Наконецъ, въ аріергардѣ, шла 1-я рота копорскаго полка. Казаки держали разъѣзды впереди цѣпи и съ боковъ.

Вскорѣ напали на свѣжій слѣдъ колесъ и людей. Изрытая глубокими колеями и мѣстами топкая дорога тянулась лѣсомъ.

Подвигаясь цѣпью, разсыпанною вправо и влѣво отъ дороги, стрѣлки, пройдя отъ мѣста вчерашняго сраженія еще верстъ пять или шесть, подошли къ довольно большой продолговатой полянѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной лѣсомъ. На правомъ флангѣ она имѣла шаговъ сто въ ширину, а къ лѣвому флангу постепенно суживалась; здѣсь протекалъ топкій, болотистый ручей.

Цѣпь, не выходя на поляну, пріостановилась. Казачій разъѣздъ увидѣлъ на противоположной опушкѣ лѣса нѣсколько людей, прятавшихся за деревья.

Н. С. приказалъ стрѣлкамъ приготовиться. Два казака, вы-

ѣхавшіе на поляну, были тотчасъ же встрѣчены ружейными выстрѣлами. Сомнѣваться было нечего: это были повстанцы.

По данному сигналу наши стрѣлки открыли огонь. Повстанцы стрѣляли лежа, укрывшись за кочками и деревьями, а потому наши стрѣлки цѣлили вниз. Непріятель былъ вооруженъ превосходными двухстволками, имѣющими преимущества для сраженій въ лѣсахъ, на близкомъ разстояніи. Наши стрѣлки имѣли одноствольныя винтовки и потому могли на два выстрѣла отвѣчать только однимъ, но за то наши выстрѣлы были мѣтки.

И. С. рѣшился выбить непріятеля изъ занятой ими противоположной опушки. Чтобы не терять напрасно людей на томъ мѣстѣ, гдѣ поляна представляла значительную ширину, онъ приказалъ начальнику цѣпи, полковнику П. К. Теннеру, придвинуть цѣпь къ лѣвой окраинѣ поляны, гдѣ обѣ опушки сходились на близкое разстояніе и гдѣ протекалъ ручей. Когда 2-я стрѣлковая рота подошла къ тому мѣсту, гдѣ разстояніе между опушками было не болѣе тридцати шаговъ, И. С. велѣлъ командиру этой роты, капитану Зассу, перебѣжать это пространство и занять противоположную опушку. Онъ самъ бросился впередъ вмѣстѣ съ стрѣлками, и это внезапное, быстрое нападеніе рѣшило судьбу сраженія. Несмотря на топкій ручей, въ которомъ И. С. и стрѣлки вязли по поясъ, опушка была занята безъ всякой потери въ людяхъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ не было ни одного непріятельскаго стрѣлка.

Повстанцы были такъ увѣрены, что болотистый ручей совсѣмъ непроходимъ, что оставили его безъ защиты. Но когда они увидѣли, что стрѣлки перебѣжали ручей и угрожаютъ правому ихъ флангу, то немедленно начали отступать. По ихъ слѣдамъ правый флангъ нашей передовой цѣпи, а за нимъ вторая линія и резервъ, перешли поляну безъ выстрѣла и заняли оставленную непріятелемъ опушку. Здѣсь мѣсто было песчаное, боровое и рѣдкій сосновый лѣсъ. На землѣ валялись раненые и убитые повстанцы.

Построившись въ прежній боевой порядокъ, нашъ отрядъ двинулся за уходившею шайкою. Въ это время поднялась страшная снѣжная метель съ холоднымъ пронизывающимъ вѣтромъ и дождемъ. Стало темнѣть.

Капитанъ Лавровъ доложилъ Ивану Степановичу, что командиръ 4-й роты копорскаго полка, находившійся на лѣвомъ флангѣ, во 2-й линіи, замѣтилъ, что на нашъ лѣвый флангъ идутъ какія-то колонны. И. С. поспѣшилъ къ 4-й ротѣ и дѣйствительно увидѣлъ двѣ приближавшіяся толпы. Онъ приказалъ командиру роты поставить своихъ людей развернутымъ строемъ, лицомъ къ наступавшимъ колоннамъ и, дождавшись, когда непріятель приблизится шаговъ на пятьдесятъ, открыть противъ него пальбу рядами.

Офицеръ построилъ свою роту спокойно, безъ суеты, какъ будто на домашнемъ ученьѣ. Капитанъ Зассъ повернулъ также

противъ непріятеля нѣсколько звеньевъ своей стрѣлковой цѣпи. Подпустивъ колонны повстанцевъ шаговъ на пятьдесятъ, нашъ лѣвый флангъ, по приказанію Н. С., открылъ противъ нихъ въ упоръ мѣткій и сильный огонь. Наступавшія колонны мгновенно побѣжали врассыпную, съ криками: «Матка Боска! Матка Боска»! Оказалось, что это были двѣ, набранныя изъ крестьянъ жмудяковъ, толпы косинеровъ.

Наступила совершенная темень, которая въ лѣсу была особенно сильна. Холодный дождь со снѣгомъ не унимался.

Чтобы дать отдыхъ людямъ и не идти наугадъ, Н. С. прекратилъ наступленіе и повелъ отрядъ обратно на ту поляну, гдѣ началась перестрѣлка. Здѣсь, на открытомъ мѣстѣ, было немного посвѣтлѣе. Отрядъ остановился; люди, выходя изъ лѣсу, начали строиться въ ротныя колонны, стали подбирать раненыхъ и укладывать ихъ на подводы.

Н. С. сидѣлъ верхомъ на конѣ, имѣя поверхъ сюртука надѣтое въ рукава осеннее пальто и накинутый на пальто зимній плащъ.

Мимо прошли стрѣлки, неся на рукахъ раненаго товарища своего, который дрожалъ отъ холода и стоналъ. Н. С. бросилъ на раненаго свою шинель:—«Накройте его, ребята»!

Вслѣдъ за этимъ раненымъ, пронесли на рукахъ другого раненаго, который также стоналъ, также продрогъ и не могъ, какъ говорится, свести зубъ съ зубомъ. Н. С. слѣзъ съ коня, снялъ съ себя пальто и велѣлъ имъ прикрыть раненаго.

— Что вы дѣлаете! — замѣтилъ ему кто-то изъ окружавшихъ. — Какъ можно въ такую погоду оставаться въ одномъ сюртукѣ?

— Не безпокойтесь; пройдусь пѣшкомъ, согрѣюсь!

Вскорѣ солдатъ принесъ обратно пальто.

— Ваше превосходительство,—сказалъ онъ,—извольте ваше пальто; раненый приказалъ долго жить.

Проводникъ повелъ отсюда отрядъ въ Медейку другою, кратчайшею дорогой, по песчаной мѣстности. По этой дорогѣ до Медейки оказалось не болѣе трехъ или четырехъ верстъ.

Въ Медейку войска возвратились часу въ 12-мъ ночи. Н. С. очень безпокоили мысли: съ какою шайкою онъ имѣлъ дѣло; не авангардная ли это только стычка; гдѣ теперь непріятель; что предпринять; куда направиться; сколько у насъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными? На всѣ эти вопросы онъ не находилъ успокоительнаго отвѣта.

Отрядный медикъ и два фельдшера были заняты перевязкою раненыхъ. Заботясь о пріисканія для нихъ возможно-удобнаго помѣщенія, Н. С. пошелъ осматривать избы. Выходя изъ одной избы, онъ запнулся на порогѣ, упалъ и сильно расшибъ правую ногу, ниже колѣна. Отъ сильной боли онъ промучился всю ночь, не смыкая глазъ.

Часу въ 1-мъ ночи онъ потребовалъ къ себѣ командира лейб-

казачьяго взвода, корнета Кутейникова *) и приказалъ ему немедленно отправиться съ своими казаками въ разъѣздъ на Радзивилишское шоссе. Другой отрядъ донскихъ казаковъ былъ посланъ съ порученіемъ разузнать о непріятелѣ и пріискать надежныхъ проводниковъ для обхода лѣсовъ, идущихъ вдоль курляндской границы.

Корнетъ Кутейниковъ возвратился въ Медейку въ 9 часовъ утра 27 апрѣля съ плѣннымъ повстанцемъ, пойманнымъ казаками въ то время, какъ онъ хотѣлъ перебѣжать чрезъ шоссе: онъ ушелъ изъ шайки Доленги и думалъ пробраться въ Вилкомиръ.

Плѣнный откровенно признался, что его фамилія Станишевскій, что онъ служилъ офицеромъ въ полевой артиллеріи; по выходѣ въ отставку поступилъ на службу акцизнымъ чиновникомъ **) Вилкомирскаго уѣзда и нынѣ, къ своему несчастію, принялъ участіе въ мятежѣ.

— Были вы вчера въ сраженіи?—спросилъ его И. С.

— Я командовалъ правымъ флангомъ, который примыкалъ къ болотному ручью. Мы были увѣрены, что этотъ ручей непроходимъ и потому оставили его безъ обороны.

— Кто былъ вашимъ начальникомъ?

— Сѣраковскій.

— Какъ Сѣраковскій? Вы хотите сказать Доленго?

— Доленго—его прозваніе, а настоящая фамилія Сѣраковскій.

— Какой же это Сѣраковскій?

— Капитанъ генеральнаго штаба.

Извѣстіе, что Доленго тотъ самый капитанъ, котораго онъ зналъ въ лицо и который пользовался особымъ довѣріемъ добродушнаго Владиміра Ивановича Назимова, совѣщавшагося съ нимъ о мѣрахъ противъ мятежа, крайне изумило Ивана Степановича. Онъ встрѣчался съ нимъ въ высшемъ военномъ обществѣ въ Петербургѣ. Ему даже случилось однажды играть съ нимъ въ карты. Съ перваго взгляда Сѣраковскій такъ не понравился прямодушному и открытому И. С-чу и возбудилъ въ немъ къ себѣ такое противное чувство, что И. С., обыкновенно сообщительный и разговорчивый, никогда не вступалъ съ нимъ въ разговоръ.

Сѣраковскій былъ студентомъ С.-Петербургскаго университета. Въ 1849 году за политическія преступленія былъ сосланъ рядовымъ въ Оренбургскій линейный баталіонъ, въ 1857 г. воз-

*) Нынѣ генералъ-маіоръ.

**) Покойный К. К. Гротъ въ то время раздавалъ мѣста по акцизному вѣдомству (съ крупнымъ окладомъ) преимущественно полякамъ, и когда Государь обратилъ на это вниманіе, объяснилъ, что поляки, занятые своими мечтаніями, не воруютъ. (Слышано отъ И. С. Аленкова, по письму котораго К. К. Гротъ немедленно опредѣлилъ въ Рязань акцизнымъ начальникомъ А. В. Луженовскаго, принявъ его за поляка).

вращенъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ генеральный штабъ. Онъ пользовался въ Военномъ Министерствѣ особеннымъ довѣріемъ и въ маѣ 1860 года былъ посланъ въ Парижъ для участія въ работахъ между-народнаго военно-статистическаго конгресса. Находясь въ этой командировкѣ болѣе года, онъ обратилъ на себя вниманіе Наполеона III и Гарибальди. Говорили, будто Пальмерстонъ, къ которому онъ являлся какъ политическій заговорщикъ, объявилъ ему, что Англія можетъ обратить вниманіе на поляковъ только тогда, когда они заявятъ о себѣ чѣмъ-нибудь серьезнымъ и выкажутъ свою силу и энергію. Въ іюлѣ 1861 г. Сѣраковскій, по распоряженію Военнаго Министерства, былъ посланъ въ западныя губерніи для осмотра тамошнихъ крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ. Въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ онъ былъ въ Вильнѣ на съѣздѣ польскихъ помѣщиковъ. Въ 1858 и 1860 годахъ Сѣраковскій основалъ въ Петербургѣ военный и статскій революціонные кружки.

— Какія послѣдствія вчерашняго сраженія? — спросилъ Иванъ Степановичъ Станишевскаго.

— Почти всѣ ротные и батальонные командиры ранены или убиты; Сѣраковскій раненъ; его шайка въ полномъ разстройствѣ; многіе разбѣгаются.

Можно себѣ представить, съ какимъ радостнымъ чувствомъ И. С. слушалъ разсказъ плѣннаго. Въ первый разъ съ самаго начала экспедиціи онъ вздохнулъ свободно. Наконецъ-то онъ убѣдился, что исполнилъ свое дѣло какъ слѣдуетъ.

Донскіе казаки возвратились въ Медейку почти въ одно время съ лейбъ-казаками и привели лѣсника, который рано утромъ видѣлъ отступавшую многолюдную шайку и взялся указать мѣсто, гдѣ она проходила.

27 апрѣля, въ 10 часовъ утра, оставивъ въ Медейкѣ 4-ю роту копорскаго полка и уланскій полуэскадронъ, И. С. пошелъ съ остальными войсками на то мѣсто, гдѣ проводникъ видѣлъ шайку. День былъ свѣтлый, ясный, благопріятный для похода. Проводникъ былъ изъ русскихъ староверовъ, которыхъ много въ этой мѣстности. Отрядъ былъ въ такомъ же бодромъ и веселомъ настроеніи, какъ и самъ И. С. Шли не по дорогѣ, а цѣлиной. Пройдя верстъ 15 или 20 въ направленіи къ курляндской границѣ, проводникъ объявилъ, что именно онъ на этомъ мѣстѣ видѣлъ шайку, которая скрылась въ лѣсу, но ему неизвѣстно, куда она ушла.

Отрядъ пріостановился. Въ это время на опушкѣ лѣса между деревьями раздались голоса; кто-то шумѣлъ.

— Не казаки ли кого-нибудь обижаютъ? подумалъ И. С.

Дѣйствительно, два казака вели крестьянина, который старался отъ нихъ отбиться. Они поймали его въ лѣсу; онъ ѣхалъ съ возомъ сѣна и когда увидѣлъ казаковъ, то бросилъ возъ и пустился бѣжать. На разспросы, изъ какой онъ деревни и куда везетъ сѣно, онъ давалъ сбивчивые отвѣты.

И. С. прикрикнулъ на крестьянина.

— Ты ѣдешь въ шайку, признавайся! Гдѣ она? Куда ушла?

Крестьянинъ помолчалъ и, не говоря ни слова, указалъ рукою вдаль.

— Смотри, мы возьмемъ тебя въ проводники, и если ты не обманываешь, то получишь въ награду 25 рубл. и ступай, куда хочешь. Если даже тебя арестуютъ, то я твой защитникъ. Если же ты солгалъ, то на первомъ деревѣ велю тебя повѣсить.

Слова И. С-ча должно быть сильно подѣйствовали на оробѣвшаго крестьянина. Онъ подумалъ и указалъ рукою совсѣмъ въ другую сторону.

Бывшій при отрядѣ русскій проводникъ заявилъ, что въ указанномъ направленіи есть довольно вязкое болото, которое тянется версты на три, и за болотомъ есть фольварокъ Швуркишки и мѣсто тамъ сухое и высокое. Иванъ Степановичъ рѣшился вести туда отрядъ.

Онъ подъѣхалъ къ 2-й стрѣлковой ротѣ и сказалъ капитану Зассу:

— Вчера подъ Медейкой я былъ особенно доволенъ вашей ротой, а потому хочу дать сегодня вашимъ молодцамъ случай отличиться: будьте съ вашей ротой во главѣ отряда.

Пройдя не болѣе двухъ или трехъ верстъ, отрядъ вошелъ въ болото. Лошадь И. С-ча завязла въ тинѣ, такъ что онъ бросилъ ее, соскочилъ чрезъ ея голову и полѣзъ по болоту, помогая себѣ руками и хватаясь за кочки и кустарникъ.

За болотомъ виднѣлись обозъ, биваки и суетившіеся и бѣгавшіе туда и сюда люди. Слышались барабанный бой и сигналы. Ведеты повстанцевъ сдѣлали по наступавшимъ войскамъ нѣсколько выстрѣловъ.

Перейдя болото, 1-я и 2-я стрѣлковыя роты финляндскаго полка бросились на бивакъ и почти безъ выстрѣла овладѣли обозомъ съ лошадьми, денежнымъ ящикомъ, захватили большое, богато украшенное золотомъ и шелками знамя литовскаго воеводы, взяли въ плѣнъ начальника польской кавалеріи Лебановскаго и около 60 повстанцевъ. На мѣстѣ сраженія оставлено непріятелемъ болѣе 50-ти убитыхъ. У насъ были легко ранены только капитанъ Лавровъ и одинъ стрѣлокъ.

Деморализованные вчерашнимъ пораженіемъ и бѣгствомъ, повстанцы, вѣроятно, не ожидали, что ихъ такъ скоро отыщутъ. Одинъ изъ ихъ главныхъ начальниковъ Колышко, взятый на другой день въ плѣнъ, разсказывалъ про это дѣло, что его люди до того оробѣли, что не было никакой возможности принудить ихъ защищаться, при одномъ видѣ стрѣлковой цѣпи и колоннъ, пробиравшихся по болоту, ими овладѣлъ паническій страхъ, и они пустились бѣжать безъ оглядки, какъ испуганное стадо барановъ.

Оставивъ въ непріятельскомъ бивакѣ полковника Теннера

съ небольшимъ числомъ людей, И. С. погнался за бѣглецами: но они разсыпались въ разныя стороны, такъ что некого было преслѣдовать, и отрядъ, прекративъ безполезное наступленіе, пошелъ обратно въ Медейку, куда и прибылъ того же 27 апрѣля къ 12 часамъ ночи.

Иванъ Степановичъ хотѣлъ выдать крестьянину обѣщанные ему 25 р., но его не нашли: онъ куда-то скрылся.

Утромъ 28 числа прибылъ въ Медейку съ своими двумя ротами маіоръ Гильцебахъ, и такимъ образомъ весь отрядъ Ивана Степановича соединился. 26 числа, въ тотъ самый день, какъ И. С. разбилъ Сѣраковскаго, маіоръ Гильцебахъ, съ своей стороны, имѣлъ удачное дѣло подъ м. Биржею съ партіею въ 500 человѣкъ и разогналъ ее.

Командиръ 4-й копорской роты, оставленный И. С. въ Медейкѣ, очень сокрушался, что не участвовалъ съ своею ротою въ дѣлѣ 27 апрѣля. Желая дать ему случай отличиться, И. С. послалъ его 28 апрѣля въ м. Понедѣль и велѣлъ ему выслать оттуда съ надежными проводниками развѣдочныя партіи по мызамъ и фольваркамъ для разысканія и ареста разбѣжавшихся повстанцевъ, а главное — ихъ офицеровъ и предводителей. Надо было полагать, что они остались въ Ковенской губерніи и не рѣшились перебраться въ Курляндію, гдѣ населеніе совершенно имъ чуждо и гдѣ они не могли разсчитывать на укрывательство.

Одна изъ такихъ партій, подъ командою извѣстнаго уже намъ подпоручика 4-й копорской роты Вангаса, пробираясь глухимъ проселкомъ, набрела нечаянно на пріютившуюся въ глухомъ лѣсу, на небольшой полянѣ, маленькую, уединенную мызу. Солдаты окружили усадьбу. Вдругъ въ панскомъ домѣ кто-то открылъ окно и сказалъ подходившему къ крыльцу офицеру: «Сдѣлайте милость, не прикажите шумѣть; здѣсь лежитъ раненый генералъ Сѣраковскій». Вангасъ тотчасъ вошелъ въ домъ со своими солдатами. При обыскѣ взято въ плѣнъ 21 человѣкъ, въ томъ числѣ раненый въ спину Сѣраковскій, Колышко, ихъ адъютанты и другія лица, составлявшія ихъ штабъ. Вангасъ остался на мызѣ съ своимъ отрядомъ для караула плѣнныхъ и немедленно отправилъ на подводѣ въ Понедѣль двухъ рядовыхъ съ донесеніемъ къ своему ротному командиру.

Въ тотъ же самый день, 28 апрѣля, въ Медейкѣ на кладбищѣ происходили похороны десяти нашихъ солдатъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ. Между ними были православные, католики и лютеране. Въ Медейкѣ и окрестныхъ селеніяхъ вовсе не было духовнаго лица для совершенія обряда похоронъ.

Всѣ десять гробовъ были принесены къ вырытой на кладбищѣ общей могилѣ. При погребеніи присутствовалъ И. С. съ нѣкоторыми офицерами и солдатами, пожелавшими отдать своимъ бывшимъ товарищамъ послѣдній долгъ. При опусканіи въ могилу каждаго гроба всѣ присутствовавшіе становились на ко-

лѣни и, молясь за усопшихъ, произносили вслухъ троекратно молитву: «Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ». Возвращаясь съ кладбища, Н. С. увидѣлъ бѣжавшихъ къ нему навстрѣчу офицеровъ и нѣсколько солдатъ съ радостными криками: «Ура, Сѣраковскій въ плѣну»!

Донесеніе о плѣнѣ Сѣраковскаго было прислано командиру 4-й копорской роты изъ Поневѣжа съ нарочнымъ.

Прочтя донесеніе, Н. С. приказалъ поручику финляндскаго полка Е. К. Тепперу съ взводомъ 2-й стрѣлковой роты отправиться на подводахъ прямо на мызу, гдѣ находились плѣнные, взять ихъ и тотчасъ же доставить въ Медейку.

Тепперъ прибылъ съ своимъ взводомъ на мызу часу въ 12-мъ ночи. Вокругъ дома и въ прихожей были наши часовые. Въ одной комнатѣ человѣкъ двѣнадцать плѣнныхъ спали на полу на соломѣ. Одинъ изъ нихъ, видный, молодцоватый молодой человѣкъ, всталъ, подошелъ къ Тепперу и назвалъ себя «Колышко». Въ сосѣдней комнатѣ лежалъ на кровати и спалъ или притворялся спящимъ раненый Сѣраковскій. Возлѣ него сидѣли два врача въ польскихъ чамаркахъ. Въ той же комнатѣ лежало шестеро раненыхъ. Къ Тепперу осторожно подошелъ красивый юноша, поклонился и сказалъ вполголоса: «Я адъютантъ генерала, графъ Коссаковскій».

— Извольте разбудить Сѣраковскаго,—сказалъ ему Тепперъ.— Мнѣ приказано немедленно перевезти всѣхъ васъ въ Медейку.

— Это невозможно,—возразилъ Коссаковскій: — генералъ опасно раненъ; теперь кризисъ; онъ не переживетъ переѣзда; подождите до 7 часовъ утра».

На мызѣ разсказывали, что невдалекѣ скрываются повстанцы изъ шайки ксендза Мацкевича и могутъ отбить плѣнныхъ.

Тепперъ подошелъ къ Сѣраковскому и разбудилъ его.

— Я не въ силахъ ѣхать,—сказалъ Сѣраковскій;—подождите до утра; вамъ же лучше привезти меня живымъ, а не мертвымъ.

Тепперъ рѣшительно объявилъ, что откладывать невозможно и что онъ долженъ въ точности исполнить данное ему приказаніе.

24 апрѣля, около 2-хъ часовъ утра, Тепперъ усадилъ всѣхъ плѣнныхъ на подводы и приготовился къ выступленію. Для Сѣраковскаго нашли на мызѣ коляску. Сѣраковскій медлилъ садиться въ экипажъ подъ разными предлогами. Тепперъ выждалъ нѣсколько времени; но видя, что Сѣраковскій намѣренно медлитъ, онъ замѣтилъ:

— Про васъ говорятъ, и мы всѣ думали, что вы энергическій, желѣзный человѣкъ, съ сильною волею. Вижу, что мы ошиблись.

Сѣраковскій вспыхнулъ.

— Если такъ, сейчасъ ѣду,—сказалъ онъ.

Тепперъ сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ коляску, и отрядъ двинулся въ Медейку.

— Предупреждаю васъ, — сказалъ онъ Сѣраковскому, — что если вздумаютъ васъ отбивать, то я не выпущу васъ живого.

— Какъ! Убивать плѣннаго! Да это разбой, это позоръ предъ Европой!

— Я получилъ такое приказаніе и въ точности его исполню.

Къ 5-ти часамъ утра нашъ отрядъ благополучно доставилъ всѣхъ плѣнныхъ въ Медейку.

Иванъ Степановичъ пожелалъ ихъ видѣть

Сѣраковскій, съ желтымъ, болѣзненнымъ лицомъ, сидѣлъ въ коляскѣ. Онъ былъ въ партикулярномъ платьѣ; на головѣ была круглая шляпа-цилиндръ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ его адъютантъ. Прочіе плѣнные выстроились въ одну линію на проѣзжей дорогѣ. Всѣ они были въ чамаркахъ и высокихъ охотничьихъ сапогахъ.

Глаза И. С. и Сѣраковскаго встрѣтились; они узнали другъ друга.

Сѣраковскій назвалъ себя по фамиліи и, указывая на сидѣвшаго рядомъ съ нимъ, совершенно еще юнаго человѣка, прибавилъ:

— Это мой адъютантъ, графъ Коссаковскій.

— Вы извѣстны подъ названіемъ Доленги, — замѣтилъ И. С.

— Нѣтъ; я Сѣраковскій.

— Зачѣмъ вы остановились подъ Медейкою, а не отступили далѣе?

— Я хотѣлъ дать сраженіе.

— Вамъ бы выгоднѣе было вести партизанскую войну, а не вступать съ нами въ открытый бой.

— Это мое дѣло. Я потерялъ сраженіе потому, что не во время пустилъ косинёровъ въ атаку на вашъ лѣвый флангъ.

— Отчего вы не поддержали вашего праваго фланга?

— Онъ опирался въ непроходимый ручей.

— Какъ непроходимый! Стрѣлки, и я съ ними, мы его перешли безъ особеннаго труда и даже не потеряли ни одного человѣка.

Сѣраковскій промолчалъ.

И. С. прекратилъ разспросы и подошелъ къ стройному, средняго роста, очень видному и мужественному человѣку. Онъ стоялъ, скрестивъ на груди руки и нахмуривъ брови.

И. С. приложилъ руку къ фуражкѣ и спросилъ:

— Ваша фамилія?

— Колышко, — отвѣтилъ онъ, мгновенно выпрямившись и приложивъ также руку къ своей конфедераткѣ.

— А ваша фамилія? — спросилъ И. С. его сосѣда.

— Это мой адъютантъ, — отвѣтилъ за него Колышко и назвалъ его фамилію.

Видъ этихъ самозванныхъ генераловъ и адъютантовъ, такъ много мечтавшихъ о себѣ и такъ быстро и комично покончив-

нихъ свои подвиги. возбудилъ въ И. С-чѣ чувство сожалѣнія Нимало не желая ихъ оскорбить, онъ невольно вскрикнулъ:

— Шуты вы гороховые! Надѣлали себѣ генераловъ и адъютантовъ и вздумали воевать съ Россіею! Смѣхъ и горе съ вами. Завтра я васъ отправлю въ Вильну.

И. С. позволилъ Сѣраковскому послать записку, къ курляндскому помѣщику Гану съ просьбой о высылкѣ ему коляски и лошадей. Тотъ немедленно исполнилъ желаніе Сѣраковскаго.

На слѣдующее утро, 30 апрѣля, наши раненые и болѣе ста плѣнныхъ мятежниковъ подъ конвоемъ 1-й и 2-й стрѣлковыхъ ротъ приготовились къ выступленію въ курляндское пограничное мѣстечко Шенбергъ.

Сѣраковскій и адъютантъ его сидѣли въ четвероместной коляскѣ. Рядомъ съ кучеромъ, на козлахъ, помѣстился Колышко. Увидѣвъ подходившаго къ нимъ Ивана Степановича, Колышко сказалъ ему:

— Позвольте ѣхать на козлахъ; даю честное слово, что не убѣгу.

— Колышко, я вашего честнаго слова не могу принять. Вы измѣнили своей присягѣ.

Колышко. не говоря ни слова, слѣзъ съ козелъ и присоединился къ другимъ плѣннымъ, которые были связаны по рукамъ попарно изъ предосторожности противъ побѣга.

Изъ Шенберга слѣдовало доставить и сдать плѣнныхъ на ближайшую станцію Риго-Динабургской желѣзной дороги для отправленія въ Вильну

И. С. написалъ командиру стоявшаго въ Шенбергѣ армейскаго батальона, чтобы онъ отпустилъ обратно 2-ю стрѣлковую роту л.-г. финляндскаго полка, которая должна была возвратиться и присоединиться къ отряду въ м. Понедѣли, а вмѣсто нея далъ бы свою роту для конвоированія плѣнныхъ до станціи желѣзной дороги, откуда, для конвоя плѣнныхъ и раненыхъ, достаточно было одной 1-й стрѣлковой роты финляндскаго полка.

Дорогою Колышко нѣсколько разъ спрашивалъ командира этой роты, капитана Кушакевича:

— Что за человѣкъ вашъ генералъ?

Кушакевичу любопытно было узнать, почему онъ неоднократно дѣлаетъ ему такіе вопросы.

— Помилуйте, — сказалъ Колышко:— вы слышали, какъ онъ намъ въ глаза сказалъ, что мы шуты.

— А, такъ вотъ что васъ безпокоило! Сознайтесь, г. Колышко, что онъ имѣлъ основаніе это сказать. Какъ человѣкъ прямой и откровенный, онъ сказалъ то, что многіе вамъ не говорятъ, но думаютъ.

Колышко разсказывалъ про Сѣраковскаго, что, при всемъ замѣчательномъ умѣ и познаніяхъ, онъ не полководецъ и не имѣетъ достаточно энергіи и рѣшительности: послѣ сраженія 25 апрѣля съ маіоромъ Мерлинымъ, Колышко хотѣлъ напасть

на Медейку, куда Мерлинъ отступилъ; но Сѣраковскій не позволилъ этого сдѣлать потому, что туда прибыло, какъ ему донесли, сильное подкрѣпленіе.

То, что Сѣраковскій считалъ сильнымъ подкрѣпленіемъ, былъ 2-й взводъ 4-й копорской роты, пріѣхавшій къ Мерлину на подводахъ изъ м. Шимановъ. Подводы растянулись по дорогѣ, и повстанцамъ показалось издали, будто въ Медейку идетъ значительная помощь.

Въ несчастномъ для нихъ дѣлѣ 27 числа Сѣраковскій, вслѣдствіе полученной раны, не могъ участвовать. Но тутъ былъ ксендзъ Мацкевичъ, присоединившійся къ Сѣраковскому съ шайкою изъ 800 человѣкъ. Впрочемъ, эта помощь явилась слишкомъ поздно и не могла уже возбудить бодрости и мужества въ разбитой и деморализованной толпѣ мятежниковъ; самъ Мацкевичъ едва спасся отъ плѣна, убѣжавъ съ нѣсколькими десятками приверженцевъ въ Поневѣжскіе лѣса.

Въ день сраженія 26 апрѣля, Мацкевичъ, по разсказамъ крестьянъ и плѣнныхъ, былъ не далѣе какъ въ 8 или 10 верстахъ отъ д. Медейки. Онъ могъ обойти нашу позицію и напасть на Медейку, гдѣ былъ только уланскій полуэскадронъ.

Ротмистръ Износковъ во время сраженія 26 апрѣля посылалъ разъѣзды на радзивилишскую дорогу. Его уланы видѣли какихъ-то людей, которые выбѣгали изъ лѣсу и тотчасъ скрывались при появленіи нашихъ солдатъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ, эти люди были изъ шайки Мацкевича.

Разгромивъ шайки Сѣраковскаго, Колышки и Мацкевича и покончивъ блистательно возложенное на него генералъ-губернаторомъ Назимовымъ порученіе, Иванъ Степановичъ рѣшился возвратиться въ Вильну прежнею дорогою чрезъ Вилькомиръ.

Онъ выступилъ изъ д. Медейки въ м. Поподѣли 30 апрѣля, часа черезъ два послѣ отправленія въ Шенбергъ обоза съ плѣнными и ранеными.

Предъ выступленіемъ отряда крестьяне д. Медейки явились къ нему съ поклономъ и принесли сто пудовъ хлѣба, который былъ заказанъ на весь отрядъ и за который имъ слѣдовало выдать деньги. Они рѣшительно отказались получить плату и просили передать хлѣбъ солдатамъ въ благодарность за то, что они избавили ихъ отъ повстанцевъ.

Вечеромъ 30 апрѣля отрядъ И. С-ча пришелъ въ м. Поподѣль на дневку, и въ тотъ же самый день 2-я стрѣлковая рота, конвоировавшая плѣнныхъ до м. Шенберга, возвратилась въ Медейку.

Тысяцкій деревни Медейки и нѣсколько крестьянъ-домохозяевъ пришли къ командиру этой роты капитану Зассу и заявили слѣдующее:

— Пошли мы сегодня въ лѣсъ, смотримъ и глазамъ не вѣримъ; то тутъ, то тамъ висятъ на деревьяхъ повстанцы. Не

знаемъ, какъ это случилось; не придется ли намъ за это отвѣчать?

— За что же вы будете отвѣчать, если они сами повѣсились?

— Точно такъ. Благодаримъ покорнс; теперь мы покойны!— вскричали въ одинъ голосъ мужики.

Надо полагать, что это была расправа самихъ крестьянъ.

На слѣдующій день капитанъ Зассъ выступилъ изъ Медейки и присоединился къ главному отряду въ м. Поведѣлѣ.

И. С. и съ нимъ человѣкъ 15 офицеровъ расположились въ богатомъ господскомъ домѣ. Самъ владѣлецъ былъ въ отсутствіи. Управляющій имѣніемъ отвелъ офицерамъ прекрасныя комнаты съ мягкими кроватями и чистымъ постельнымъ бѣльемъ. Въ первый разъ во всю экспедицію офицерамъ удалось такъ хорошо и спокойно провести ночь. И. С. заказалъ на всѣхъ офицеровъ чай, обѣдъ и ужинъ. Все было приготовлено и подано отлично. Угощали на славу.

Предъ выступленіемъ И. С. потребовалъ счетъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство,—сказалъ управляющій,—какой же счетъ? Я только исполнилъ мой долгъ.

— Что?.. Подайте счетъ!

— Слушаю-съ.

И. С. подумалъ про себя: «Закатитъ же онъ счетъ! Такъ и клади сто рублей» Но поданный счетъ былъ крайне умѣренъ.

Въ Поведѣлѣ отрядъ закупилъ въ изобиліи фуражу и провіанта.

При выступленіи отряда изъ Поведѣли въ Шиманцы женщина пожаловалась на одного донского казака, взявшаго у нея простыню и наволочку. И. С. выдалъ женщинѣ пять рублей и приказалъ казачьему сотнику наказать виновнаго, замѣтивъ, что онъ не позволитъ казакамъ обижать народъ.

— Ваше превосходительство,—сказалъ сотникъ;—за вину одного казака вы изволите обижать всю мою сотню.

Въ Шиманцахъ И. С. навѣстилъ декана, отказавшаго Сѣраковскому прочесть въ костелѣ мятежное воззваніе. Деканъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и радушно угостилъ ихъ.

Узнавъ отъ проживающихъ въ этой мѣстности раскольниковъ. что викарный ксендзъ, усердно прислуживавшій офицерамъ во время этого угощенія, былъ въ шайкѣ Сѣраковскаго и даже участвовалъ въ сраженіи подъ Медейкою, И. С. сказалъ объ этомъ декану.

— Изъ уваженія къ вамъ я его теперь не трону,—сказалъ И. С.,—но онъ будетъ навѣрное арестованъ, потому что слишкомъ замѣшанъ. Если изъ-за него и вы будете арестованы, то обратитесь ко мнѣ: я буду вашимъ ходатаемъ.

Дѣйствительно, спустя нѣсколько времени, по распоряженію военной слѣдственной комиссіи по политическимъ дѣламъ, деканъ и его викарный были арестованы; но, по просьбѣ И. С.,

графъ М. Н. Муравьевъ приказалъ декана освободить отъ ареста и не привлекать къ слѣдствію.

Деканъ сообщилъ И. С-чу, что верстахъ въ пятидесяти отъ Андронишекъ, въ лѣсистой мѣстности Зеленки, скрывается какая-то шайка. Желая провѣрить это извѣстіе, И. С. по прибытіи въ Андронишки, обошелъ окрестности, былъ въ Зеленкѣ, но нигдѣ не нашелъ никакихъ слѣдовъ повстанцевъ и только напрасно потерялъ время и утомилъ людей.

Въ Оникштахъ маіоръ Мерлинъ, съ своими двумя ротами копорскаго полка, отдѣлился отъ И. С-ча и возвратился въ м. Рогово, на прежнія квартиры.

Подходя къ Вилькомиру, И. С. сталъ припоминать: «Кажется, здѣсь кто-то мнѣ жаловался; ба! вспомнилъ!

— Вы обижаетесь,—сказалъ онъ сотнику,—что я напрасно обижаю вашихъ казаковъ, что они не прочь взять чужое. А сами вы, хорошо-ли поступили въ Вилькомирѣ съ вашимъ хозяиномъ, крестьяниномъ, да еще русскимъ? Взяли у него на три рубля сѣна, а денегъ не отдали.

— Смѣю доложить, ваше превосходительство, что мы выступили ночью; темень была такая, что нельзя было денегъ разглядѣть. Я теперь отдамъ свой долгъ.

Отрядъ вступилъ въ Вилькомиръ съ развернутымъ знаменемъ литовскаго воеводы. Видъ польскаго знамени въ нашихъ рукахъ глубоко затронулъ обидчивое самолюбіе поляковъ. Многіе готовы были простить генералу Ганецкому и разбитіе шаекъ, и взятіе въ плѣнъ Сѣраковскаго и Колышки, но такъ издѣваться надъ побѣжденными и выставлять на позорище ихъ знамя, такой обиды поляки никогда не забудутъ.

Оставивъ въ Вилькомирѣ двѣ роты нарвскаго полка и сотню донскихъ казаковъ, И. С. пошелъ въ Вильну, имѣя лишь 2-ю стрѣлковую и 3-ю линейную роты финляндскаго полка и взводъ лейбъ-казаковъ.

Въ началѣ мая, въ ясный солнечный день, отрядъ подходилъ къ Вильнѣ съ развернутымъ знаменемъ литовскаго воеводы. Далеко за городомъ толпы народа встрѣтили войска радостными криками. Впереди отряда ѣхалъ верхомъ И. С. Можно себѣ представить, съ какимъ радостнымъ чувствомъ всѣ офицеры и солдаты подходили къ городу, изъ котораго вышли недѣли двѣ тому назадъ въ иномъ настроеніи духа.

У заставы ихъ встрѣтили генералъ-губернаторъ В. И. Назимовъ съ семействомъ и всѣ служащіе съ ихъ женами и дѣтьми; безчисленныя толпы тѣснились на улицахъ и оглашали воздухъ радостнымъ «ура»! Народъ карабкался на заборы, на деревья, на крыши домовъ, глядѣлъ изъ оконъ. Все имѣло видъ праздничный.

Войска виленскаго гарнизона стояли по обѣ стороны улицъ шпалерами и отдавали военную честь проходившему мимо нихъ отряду; крики «ура» мѣшались съ звуками военной музыки.

Народъ кидалъ въ воздухъ шапки; многіе изъ толпы бросались къ И. С-чу, ѣхавшему верхомъ, и обнимали его ноги.

На площади, возлѣ дворца генералъ-губернатора, отрядъ остановился. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ православнымъ духовенствомъ. На открытомъ воздухѣ предъ аналоемъ было совершено торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ.

Послѣ молебствія генералъ-губернаторъ радушно обнялъ И. С-ча, горячо благодарилъ офицеровъ и солдатъ и отпустилъ ихъ въ казармы.

И. С. все еще страдалъ отъ ушиба ноги, но ему было не до отдыха. Возвратясь домой, онъ поѣхалъ въ коляскѣ на Погулянку, въ больницу св. Іакова, гдѣ содержался Сѣраковскій.

Стоявшій въ караулѣ офицеръ л.-гв. павловскаго полка объявилъ ему, что безъ особеннаго письменнаго разрѣшенія генералъ-губернатора никто не допускается къ Сѣраковскому, но предложилъ посмотрѣть на него изъ коридора чрезъ небольшое окошко въ дверяхъ его комнаты.

Комната была въ нижнемъ этажѣ, съ большимъ окномъ, выходившимъ на улицу. Сѣраковскій сидѣлъ у окна, облокотившись обѣими руками на маленькій столикъ и поддерживая голову. Онъ пристально смотрѣлъ на улицу, не подозрѣвая, что за нимъ присматриваютъ.

Комната была чуть не на одномъ уровнѣ съ мостовой: Сѣраковскій легко могъ убѣжать.

Прямо изъ больницы Иванъ Степановичъ поѣхалъ къ В. И. Назимову, который былъ удивленъ его неожиданнымъ пріѣздомъ.

— Я сейчасъ отъ Сѣраковскаго, — сказалъ И. С., — онъ непремѣнно убѣжитъ.

— Какъ убѣжитъ! Помилуйте. Я его видѣлъ два часа тому назадъ; онъ не встаетъ съ постели, еле живъ, не сегодня завтра умретъ.

— Онъ убѣжитъ; я сейчасъ его видѣлъ; онъ сидѣлъ на стулѣ какъ здоровый и преспокойно смотрѣлъ въ окно.

— Чего-же вы хотите?

— Въ этой больницѣ всѣ служащіе: и смотритель, и докторъ, и фельдшера—поляки; имъ довѣрять нельзя. Прикажите, чтобъ Сѣраковскаго лечилъ мой полковой докторъ и мои фельдшера.

В. И. Назимовъ изъявилъ на это согласіе, и съ тѣхъ поръ при Сѣраковскомъ докторъ, фельдшера и вся лазаретная прислуга были русскіе. Русскій медикъ нашелъ, что рана Сѣраковскаго вовсе не была опасна.

Послѣ того, какъ В. И. Назимовъ уѣхалъ изъ Вильны и его замѣнилъ М. Н. Муравьевъ, И. С. получилъ изъ Петербурга письмо, извѣщавшее, что жена Сѣраковскаго дѣятельно хлопочетъ о помилованіи мужа, что многіе сильные и вліятельные люди ей помогаютъ, что англійскій посолъ и его жена

ходатайствуютъ о томъ предъ императрицею и что, по всѣмъ вѣроятіямъ, ихъ усилія увѣнчаются успѣхомъ.

И. С. поспѣшилъ показать это письмо М. Н. Муравьеву.

— Неужели офицеръ, измѣнившій присягѣ, главный руководитель мятежа, увлекшій въ преступленіе и погубившій нѣсколько тысячъ людей, получитъ прощеніе? Послѣ этого, какъ же мы будемъ наказывать тѣхъ людей, которые имъ вовлечены въ мятежъ и менѣе его виноваты?

— Все это мнѣ извѣстно; не безпокойтесь,—сказалъ М. Н. Муравьевъ.

Чрезъ недѣлю послѣ этого Сѣраковскій былъ всенародно повѣшенъ.

И. С. слышалъ отъ М. Н. Муравьева, что, по донесеніямъ военно-уѣздныхъ начальниковъ, послѣ разгрома шаекъ Сѣраковскаго, Мацкевича, Колышки и окончательнаго усмиренія мятежа въ Ковенской губерніи, земскою полиціею было подобрано въ лѣсахъ и другихъ мѣстахъ до 1,500 тѣлъ повстанцевъ, убитыхъ, повѣшанныхъ неизвѣстно кѣмъ и умершихъ отъ ранъ, болѣзней и голода.

III.

Арестъ политическаго преступника въ Вильнѣ.

Ботаническій садъ есть любимое въ Вильнѣ общественное гулянье. Особенно въ праздничные дни народъ разгуливаетъ по тѣнистымъ дорожкамъ или толпится около военной музыки. Поляки неоднократно позволяли себѣ здѣсь оскорблять русскихъ посѣтителей сада, а потому, тотчасъ по пріѣздѣ въ Вильну, въ маѣ 1863 года, М. Н. Муравьевъ приказалъ штабсъ-капитану л.-гв. финляндскаго полка Рудановскому завѣдывать ботаническимъ садомъ въ полицейскомъ отношеніи и наблюдать за порядкомъ во время гуляній.

Генералъ Гонецкій отправился однажды послѣ обѣда въ садъ и подошелъ къ оркестру музыкантовъ л.-гв. финляндскаго полка, игравшихъ на садовой площадкѣ. Штабсъ-капитанъ Рудановскій доложилъ ему, что онъ получилъ сейчасъ отъ имени М. Н. Муравьева приказаніе арестовать и отправить въ политическую тюрьму № 14 одного молодого человѣка, сидѣвшаго возлѣ оркестра на скамьѣ и очень оживленно бесѣдовавшаго съ двумя нарядно одѣтыми дамами.

И. С. посовѣтовалъ Рудановскому доложить объ этомъ прежде всего, какъ слѣдовало въ служебномъ порядкѣ, находившемуся въ саду начальнику внутренней стражи полковнику Буллендорфу; но послѣдній, выслушавъ донесеніе офицера, не отвѣчалъ ему ни слова и направился къ выходу изъ сада.

Въ это время подошелъ къ оркестру начальникъ 3-й дивизіи, баронъ Б..., къ которому Рудановскій также обратился для полученія отъ него приказанія; но генералъ сказалъ ему только, чтобъ онъ въ точности исполнилъ волю генералъ-губернатора и отошелъ въ сторону.

Не такъ поступилъ И. С. Хотя это дѣло вовсе не относилось къ его служебнымъ обязанностямъ, но онъ нашелъ малодушнымъ оставить офицера въ затруднительную для него минуту безъ совѣта и поддержки и рѣшился взять на себя отвѣтственность въ исполненіи приказанія генералъ-губернатора. Воспользовавшись антрактомъ, когда музыканты стояли безъ дѣла, И. С. велѣлъ Рудановскому взять для конвоя двухъ музыкантовъ, подойти съ ними къ человѣку, котораго слѣдовало арестовать, объявить ему приказаніе генералъ-губернатора и предложить ему выйти вмѣстѣ съ ними изъ сада. Незнакомецъ, внимательно выслушавъ заявленіе Рудановскаго, тотчасъ же, не говоря ни слова, всталъ со скамьи и пошелъ за нимъ въ сопровожденіи конвоя. Никакого волненія и безпорядковъ между гуляющими не было. Только на другой день явились къ И. С-чу просительницы съ ходатайствомъ объ освобожденіи арестованнаго; но И. С. объявилъ имъ, что это зависитъ не отъ него, а отъ главнаго начальника края.

IV.

Панихида.

По ходатайству М. Н. Муравьева, генералъ Ганецкій былъ назначенъ въ іюнѣ 1863 года начальникомъ 3-й пѣхотной дивизіи и командующимъ войсками, въ Гродненской губерніи расположенными.

Тяжело было И. С-чу разставаться съ своимъ любимымъ л.-гв. Финляндскимъ полкомъ, въ которомъ онъ началъ службу прапорщикомъ въ 1828 году. Государь Императоръ милостиво дозволилъ ему носить мундиръ этого полка.

Гродненская губернія, смежная съ царствомъ Польскимъ, особенно страдала отъ повстанцевъ. Укрываясь въ Бѣловѣжской пущѣ и другихъ лѣсахъ и находя пріютъ въ панскихъ мызахъ и шляхетскихъ околицахъ, они грабили селенія, вѣшали народъ и наводили страхъ на мирныхъ жителей.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ потребовалъ, чтобы И. С. немедленно устроилъ по всей губерніи сельскіе караулы изъ крестьянъ для поимки повстанцевъ и защиты селеній отъ ихъ разбоевъ.

Тотчасъ по вступленіи въ должность И. С. разослалъ по разнымъ направленіямъ небольшіе военные отряды, а самъ съ

главнымъ отрядомъ изъ роты л.-гв. семеновскаго полка, роты 3-го армейскаго стрѣлковаго батальона, взвода уланъ и сотни казаковъ отправился въ Пружанскій уѣздъ, какъ самый безпокойный.

Сентябрь былъ великолѣпный, сухой; топи и болота пересохли и можно было свободно ихъ переходить.

Отрядъ пришелъ на ночлегъ въ м. Шерешово, близъ Бѣловѣжской пущи. Мѣстечко большое: жителей по равной части православныхъ, католиковъ и евреевъ, тысячъ восемь.

Здѣшніе города и мѣстечки, наполненные поляками и жидами, не то, что города и слободы въ великорусскихъ губерніяхъ, гдѣ всѣ жители православные и русскіе. Здѣсь въ 1863 г. русскій православный человѣкъ назывался хлопомъ и быдломъ и былъ угнетенъ инородцами и иновѣрцами, отъ которыхъ нельзя было ожидать искренней, безкорыстной любви къ государю и Россіи.

Дня за два до прихода отряда человѣкъ двадцать повстанцевъ и жандармовъ вѣшателей, предводимые ксендзомъ, несшимъ распятіе, ворвались ночью въ мѣстечко, всполошили народъ, забрали у жителей нѣсколько подводъ съ провизіей, угнали скотину, отобрали деньги, хранившіяся въ волостномъ правленіи, повѣсили трехъ крестьянъ (одного православнаго, двухъ католиковъ) и двухъ евреевъ и сожгли пивной заводъ. Совершивъ такіе подвиги, повстанцы съ пѣснями: «еще Польша не згинела, кеды мы жіемы»... ушли въ лѣсъ и скрылись такъ, что и слѣдъ ихъ простылъ. Н. С. потребовалъ лѣсниковъ и послалъ ихъ съ казаками для поисковъ, но всѣ старанія напасть на слѣдъ бѣжавшей шайки были напрасны. Безъ сомнѣнія, злодѣи имѣли соумышленниковъ въ самомъ мѣстечкѣ: иначе они не посмѣли бы сдѣлать нападенія.

Вдовы и дѣти повѣшанныхъ и ограбленные жители просили Н. С-ча о помощи и защитѣ. Тѣла повѣшанныхъ были уже похоронены, но Н. С. хотѣлъ торжественно, всенародно почтить память людей, погибшихъ за вѣрность царю и отечеству. Съ этою цѣлью онъ пригласилъ двухъ приходскихъ священниковъ отслужить въ мѣстечкѣ, на площади, панихиду по убитыхъ въ присутствіи всѣхъ жителей, которымъ было приказано собраться къ назначенному времени.

Кавалерія и пѣхота на коняхъ занимали одну сторону площади, предъ войсками стояли оба священника въ черныхъ рясахъ и пѣвчіе изъ солдатъ.

Вся площадь и прилегающія улицы были залиты сплошными толпами народа, съ обнаженными головами и въ глубокомъ безмолвіи.

Н. С. выѣхалъ къ войскамъ верхомъ, поздоровался съ ними и громко, на всю площадь, сказалъ:

— Спасибо вамъ, братцы, за молодецкую службу! Вы честно исполняете священную волю Государя и не попустите, чтобы

злодѣи-повстанцы грабили и мучили народъ. Гдѣ надо защищать женщинъ, дѣтей, безоружный народъ отъ измѣнниковъ-повстанцевъ, тамъ вы первые. Не такъ-ли, ребята?

Весь отрядъ грянулъ какъ одинъ человѣкъ:

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— А гдѣ надо бить измѣнниковъ, тамъ вы также первые! Мерзавцы струсили, убѣжали до лясу; но мы до нихъ доберемся. Не долго имъ разбойничать!

— Рады стараться, ваше превосходительство!

— Они ограбили мѣстечко и повѣсили пятерыхъ человѣкъ за то, что эти люди не хотѣли измѣнить присягѣ. Помолимся же, братцы, за людей, невинно замученныхъ злодѣями.

Иванъ Степановичъ сошелъ съ коня, велѣлъ спѣшиться кавалеріи и скомандавалъ отряду:

— На молитву! Шапки долой!

Потомъ онъ обратился къ народу, покрывавшему площадь и улицы, и крикнулъ:

— Всѣ на колѣни!

Среди мертвенной тишины раздалось пѣніе церковныхъ молитвъ.

Вдругъ священникъ обращается къ Ивану Степановичу и шопотомъ спрашиваетъ:

— Поминать-ли католиковъ?

— Непремѣнно!

— А евреевъ?

— Какъ же не помянуть: вѣдь они пострадали за Царя и отечество.

Такимъ образомъ, за этой достопамятной панихидой поминались вмѣстѣ съ христіанами два еврея.

Послѣ панихиды Иванъ Степановичъ сказалъ народу:

— Васъ здѣсь нѣсколько тысячъ, а вы дали себя ограбить двумъ десяткамъ разбойниковъ, не связали ихъ, не представили вашему начальству! Стыдно вамъ.

— Какъ же намъ было защищаться? Вѣдь они были вооружены; а у насъ, какое оружіе!

— Какое у васъ оружіе? А цѣпы, рогатины, топоры! Нѣтъ, дѣло не въ томъ, что у васъ нѣтъ оружія, а въ томъ, что между вами есть мерзавцы, которые за одно съ повстанцами. Еслибъ не было между вами негодяевъ, то никто не посмѣлъ бы на васъ напасть. Вы сами потворствуете злодѣямъ. Они вѣшали при васъ людей, грабили, а вы потеряли даже ихъ слѣдъ и не знаете, куда они бѣжали. На этотъ разъ не хочу строго васъ наказывать, а налагаю на мѣстечко 2500 рублей штрафа, изъ котораго будутъ выданы пособія семействамъ повѣшанныхъ и ограбленныхъ. Ваше дѣло разверстать деньги между собою, какъ знаете.

Такъ какъ огромное большинство жителей мѣстечка вовсе не сочувствовало мятежу, то при раскладкѣ штрафа, оно, ко-

нечно, не дало себя въ обиду. Такимъ образомъ вся тяжесть контрибуціи легла на ополяченную шляхту, которая, опасаясь, чтобы ее не стали уличать въ сношеніяхъ съ повстанцами, безмолвно подчинилась рѣшенію большинства.

Евреи разсказывали, что когда Иванъ Степановичъ крикнулъ народу: «на колѣни»! то они присѣли на корточки, такъ какъ ихъ законъ запрещаетъ становиться на колѣни.

Устроивъ изъ мѣстныхъ крестьянъ вооруженный караулъ и подчинивъ его расторопному унтеръ-офицеру съ небольшимъ числомъ рядовыхъ, И. С. пошелъ съ своимъ отрядомъ въ Бѣловѣжскую пущу.

V.

Укрощеніе бунта.

Обходя Бѣловѣжскую пущу, отрядъ И. С-ча прибылъ вечеромъ въ одно небольшое православное селеніе.

Такъ какъ въ избахъ было душно, притомъ всѣ онѣ были курныя и закоптѣлыя, то генералъ Гонецкій, вдвоемъ съ начальникомъ дивизіоннаго штаба, полковникомъ Клугеномъ, расположился на ночлегъ въ амбарѣ.

Стало темнѣть; солдатскія пѣсни и разговоры пріумолкли.

Вдругъ кто-то подошелъ къ амбару, покашливаетъ.

— Кто тамъ?—спросилъ И. С.—Войди!

Дверь отворилась, показался сѣдой, сгорбленный крестьянинъ. Онъ ступилъ нѣсколько шаговъ и тотчасъ бухъ въ ноги.

— Отцы родные, спасите!

— Кто ты? Чего тебѣ надо?

— Я здѣшній староста. Вокругъ насъ живетъ шляхта, и намъ нѣтъ отъ нея житья за то, что мы не бунтуемъ. Деревню хотятъ сжечь, а меня повѣсить. Я боюсь жить въ избѣ и ночую то въ полѣ, то въ лѣсу. Намъ бѣда будетъ, когда вы уйдете Шляхта говоритъ, что будто мы васъ заманили сюда. Спасите, ради Христа. Вся деревня проситъ вашей защиты.

Старикъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

Зло овладѣло И. С-чемъ противъ поганой шляхты, которая никому не даетъ покоя.

— Перестань, старикъ, плакать! Богъ милостивъ! Скажи крестьянамъ, что никакая шельма ихъ не тронетъ. Ступай съ Богомъ! Не бойся!

Раннимъ утромъ отрядъ пошелъ въ обходъ, обшарилъ верстъ за шестьдесятъ кругомъ лѣса, фольварки, захватилъ запрятав-

шихся въ село двухъ повстанцевъ и къ ночи возвратился въ ту же деревню. На слѣдующее утро надо было идти далѣе.

И. С. приказалъ старостѣ обойти всѣ шляхетскія околицы и объявить шляхтичамъ-домохозяевамъ, что съ нимъ желаетъ переговорить генералъ Гопецкій и чтобъ они явились къ нему къ назначенному для выступленія отряда времени.

Собралось человѣкъ тридцать. Отрядъ И. С-ча выстроился на дорогѣ и былъ готовъ къ выступленію. Всѣ жители деревни вышли провожать солдатъ. И. С. подошелъ къ шляхтѣ, одѣтой въ чамарки и съ конфедератками въ рукахъ, и вспомнилъ вчерашній разсказъ старика.

— Берегитесь,—сказалъ онъ дрожащимъ отъ негодованія голосомъ,—я не позволю вамъ своевольничать! Если узнаю, что вы дружите съ повстанцами и обижаете крестьянъ, то велю повѣсить виновныхъ и сожгу ихъ дома.

Прямо противъ него, впереди другихъ, стояли пять широкоплечихъ шляхтичей, съ нахальными и дерзкими лицами. Они, кажется, были твердо убѣждены, что ихъ только стращаютъ и, конечно, хотѣли щегольнуть своимъ молодечествомъ предъ остальною шляхтою и крестьянами.

«Надо проучить этихъ коноводовъ,—подумалъ И. С.—Если я сейчасъ, при народѣ, не накажу и не собью ихъ спѣси, то они, пожалуй, пуще заважничаютъ передъ мужиками и, чего добраго, въ самомъ дѣлѣ сожгутъ деревню или повѣсятъ старосту».

— Вы смѣете угрожать, — крикнулъ И. С., — что сожжете деревню, вы думаете, что можете своевольничать и что шляхту нельзя тронуть пальцемъ. Вотъ я вамъ покажу, какъ васъ нельзя тронуть! Казаки, влѣпить вотъ этимъ пяти молодцамъ по двадцати пяти нагаекъ!

Шляхтичей преисправно угостили казацкими нагайками.

— Теперь идите всѣ по домамъ, да благодарите Бога, что такъ дешево отдѣлались, и не забывайте, что я съ вами шутить не намѣренъ!

Пристыженная и униженная шляхта, низко поклонившись И. С-чу, побрела домой съ смиренно опущенными головами и съ конфедератками въ рукахъ.

— Важничать теперь передъ народомъ не будутъ,—сказалъ И. С.;—да и бунтовать, пожалуй, перестанутъ.

Надо было видѣть сіявшія отъ радости лица крестьянъ.

Далеко за деревню съ благословеніями и молитвами они провожали уходившій отрядъ.

После этого случая, который тотчасъ сдѣлался извѣстнымъ, шляхта Пружанскаго уѣзда присмирѣла.

VI.

Бѣловѣжскіе лѣсники.

Лѣсная стража, оберегающая Бѣловѣжскую пущу, состояла въ 1863 году болѣе, нежели изъ двухъ-сотъ человѣкъ. Всѣ они были семейные люди, выбранные изъ благонадежныхъ отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ; многіе были обвѣшаны крестами, медалями, имѣли нашивки на рукавахъ за безпорочную службу. Они жили въ караульныхъ домикахъ, отдѣльно разбросанныхъ, верстъ на двадцать домикъ отъ домика, по опушкѣ лѣса.

Въ самой срединѣ пущи, на р. Наревкѣ, въ селеніи Бѣловѣжѣ, находится такъ называемый охотничій дворецъ, въ которомъ жилъ тогда офицеръ, управлявшій этою пущею. Онъ завѣдывалъ и лѣсною стражею.

Между лѣсниками было много католиковъ и лютеранъ. Всѣ они были снабжены отъ казны полнымъ вооруженіемъ; у каждаго были солдатская винтовка съ штыкомъ и тесакъ. Но, при началѣ безпорядковъ и при первомъ появленіи мятежныхъ шаекъ, бывшій гродненскій военный губернаторъ, генералъ Галлеръ, испросилъ у генералъ-губернатора В. И. Назимова приказаніе отобрать отъ лѣсной стражи оружіе и сдать его на храненіе въ Брестъ-Литовскій крѣпостной арсеналъ: начальникъ губерніи опасался, что повстанцы насильно отберутъ у лѣсниковъ оружіе. Само собою разумѣется, что, благодаря этому распоряженію, повстанцы перестали бояться обезоруженныхъ лѣсниковъ, и Бѣловѣжская пуща сдѣлалась главнымъ ихъ притономъ. Здѣсь они укрывались и отсюда дѣлали набѣги на деревни.

Дѣлая обходъ Бѣловѣжской пущи, Иванъ Степановичъ вступилъ съ своимъ отрядомъ въ с. Бѣловѣжу. Здѣсь его встрѣтили начальникъ лѣсной стражи и вся команда лѣсниковъ, собранная по заранѣе отданному приказанію. И. С., обращаясь къ стоявшимъ предъ нимъ въ строю безъ всякаго оружія старымъ военнымъ служакамъ, сказалъ:

— Я знаю, что въ вашей пущѣ скрываются повстанцы. Стыдно вамъ, братцы, что вы терпите у себя такихъ негодяевъ.

— Ваше превосходительство, сами понимаемъ, что это нехорошо,—отвѣчали лѣсники,—да ничего сдѣлать не можемъ. У насъ начальство отобрало оружіе. Будь у насъ оружіе, такъ ни одного повстанца здѣсь не будетъ: всѣхъ повыгонимъ, обойдемъ облавой всю пущу, да и сами они уберутся. Ваше превосходительство, помилосердуйте; прикажите отдать намъ наше оружіе.

— Хорошо, оружіе вамъ выдадутъ; кромѣ того, оставлю вамъ въ помощь изъ своего отряда двадцать стрѣлковъ. Смотрите же, братцы, чтобъ ни одного повстанца у васъ не было.

— Не извольте безпокоиться: всѣхъ выгонимъ.

Н. С. вытребовалъ оружіе изъ Брестъ-Литовскаго арсенала, приказалъ его возвратить лѣсникамъ, и въ короткое время Бѣловѣжская пуща была совершенно очищена отъ повстанцевъ.

VII.

Офицеръ-католикъ.

После самоубійства генералъ-адъютанта Герстенцвейга и выѣзда изъ Варшавы графа Ламберта, временнымъ намѣстникомъ царства Польскаго былъ назначенъ въ 1861 году военный министръ Н. О. Сухозанетъ. Проѣздомъ въ Варшаву онъ дѣлалъ смотры войскамъ въ Гроднѣ и Вильнѣ.

Послѣ каждаго смотра онъ, вызывая къ себѣ офицеровъ, обращался къ нимъ съ предложеніемъ: «станьте, господа, по религіямъ», и затѣмъ, говорилъ католикамъ, что онъ понимаетъ, какъ неудобно имъ оставаться на службѣ въ западныхъ губерніяхъ. Онъ предлагалъ имъ перейти въ войска, расположенныя внутри имперіи, и обѣщалъ выдавать имъ прогоны на проѣздъ до новаго мѣста ихъ служенія.

Офицеры-католики были крайне озадачены этими предложеніями военнаго министра. Нѣкоторые изъ нихъ, вовсе не располагавшіе выходить изъ своихъ полковъ, были поставлены въ весьма щекотливое и неловкое положеніе.

Дѣлая подобныя заявленія офицерамъ, военный министръ думалъ, вѣроятно, что онъ слѣдуетъ примѣру, данному въ 1831 году императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Тогда въ войскахъ литовскаго корпуса служили католики, уроженцы царства Польскаго, присягавшіе на вѣрность польской конституціи. Когда вспыхнулъ польскій мятежъ, то государь императоръ приказалъ объявить этимъ офицерамъ, что они могутъ, если пожелаютъ, выйти въ отставку и возвратиться на родину. Государь императоръ имѣлъ нравственное основаніе оказать великодушное снисхожденіе офицерамъ, присягавшимъ конституціи царства Польскаго. Но трудно объяснить, какими соображеніями руководствовался г. Сухозанетъ, дѣлая это предложеніе офицерамъ, связаннымъ присягою на вѣрную службу государю и Россіи. Не думалъ ли онъ, что долгъ присяги русскаго подданнаго католика иной, чѣмъ русскаго православнаго; что только для послѣдняго присяга безусловно обязательна всегда и вездѣ, а для перваго она дѣйствительна лишь въ великорусскихъ губерніяхъ? Впрочемъ, что бы генералъ Сухозанетъ ни думалъ о присягѣ, но странно было слышать изъ устъ военнаго министра рѣчи, подрывавшія въ войскахъ дисциплину и унижавшія понятія о чести, присягѣ и вѣрности данному слову. Вѣроятно, не одинъ

военный министръ пропагандировалъ между своими подчиненными подобное ученіе о служебномъ долгѣ: таково было въ Петербургѣ настроеніе цѣлаго кружка людей, имѣвшихъ, къ несчастію, вліяніе не только въ обществѣ и литературѣ, но и въ высшемъ правительствѣ.

Оффиціальныя рѣчи военнаго министра вредно отразились въ 3-й пѣхотной дивизіи на дисциплинѣ и на отношеніяхъ офицеровъ между собою.

Одинъ капитанъ 10-го новоингерманландскаго полка, католикъ, уроженецъ Витебской губерніи, заявилъ начальнику 3-й дивизіи, генералъ-лейтенанту Гольтгойеру, что ему, какъ католику, неудобно въ настоящее время служить въ западныхъ губерніяхъ, и потому просилъ о переводѣ его въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ во внутреннихъ губерніяхъ. Дивизіонный начальникъ призналъ заявленіе офицера основательнымъ. Это было передъ самымъ назначеніемъ Н. С-ча начальникомъ 3-й дивизіи на мѣсто генерала Гольтгойера. Узнавъ объ этомъ, Н. С. вызвалъ по телеграфу въ Гродну командира новоингерманландскаго полка, полковника Воронова, и капитана-католика. Являются они къ нему въ назначенное время.

— Вы объявили генералу Гольтгойеру,—сказалъ капитану Н. С.,—что вамъ неудобно здѣсь служить, такъ какъ вы католикъ, и генералъ съ вами согласился. Я также съ этимъ согласенъ. А потому не угодно ли вамъ подать просьбу объ отставкѣ?

Капитанъ совершенно растерялся. Онъ не ожидалъ такой развязки, надѣясь, что за него начальство будетъ хлопотать о переводѣ его въ другія войска.

— Ваше превосходительство,—сказалъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—я не желаю выходить въ отставку, я русскій патріотъ, извините... я не думалъ...

— Безъ объясненій; извольте завтра же подать прошеніе. Просить о вашемъ переводѣ не буду: кому совѣсть мѣшаетъ исполнять присягу въ Гродненской губерніи, тотъ и во всякой другой губерніи ненадеженъ.

Только въ уваженіе особеннаго ходатайства полкового командира, Н. С. представилъ этого офицера къ увольненію изъ полка не прямо въ отставку, а съ зачисленіемъ по арміи.

Послѣ этого случая никто изъ офицеровъ-католиковъ, служившихъ въ полкахъ 3-й дивизіи, не просился во внутреннія губерніи.

Мы уже замѣтили, что оффиціальныя рѣчи, произнесенныя въ 1861 году генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ на военныхъ смотрахъ, имѣли вредное вліяніе на служебную дисциплину. Онѣ возбудили между офицерами столько непріятныхъ столкновеній, недоумѣній и толковъ, что для прекращенія ихъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ тотчасъ по прибытіи въ маѣ 1863 года

въ Вильну, издалъ 23 мая по войскамъ Виленскаго военнаго округа слѣдующій приказъ:

«Въ 1861 году, при началѣ волненій въ царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ, предоставлено было всѣмъ офицерамъ изъ уроженцевъ царства Польскаго и западныхъ губерній римско-католическаго исповѣданія просить о переводѣ въ войска, внутри имперіи находящіяся, при чемъ объявлено было, что тѣ офицеры, которые не воспользуются симъ дозволеніемъ, за всѣ проступки будутъ отвѣчать по законамъ. На основаніи сего и имѣя въ виду, что правительство не должно разбирать въ офицерахъ, къ какой націи принадлежитъ тотъ или другой изъ нихъ, и что тѣ, кто не исполняетъ своего долга по присягѣ и совѣсти, во всякомъ случаѣ измѣнникъ, подлежащій отвѣтственности по всей строгости законовъ, объявляю по войскамъ Виленскаго военнаго округа и въ Витебской и Могилевской губерніяхъ расположеннымъ, что на дальнѣйшее время переводы въ войска, внутри имперіи находящіяся, офицеровъ римско-католическаго исповѣданія допускаемы не будутъ, и что, въ случаѣ отклоненія ихъ отъ точнаго исполненія своего долга, будетъ съ ними поступлено по всей строгости военныхъ законовъ».

Сравнивая распоряженія двухъ высшихъ сановниковъ государства по одному и тому же, казалось бы, весьма простому и ясному вопросу военной дисциплины, нельзя не удивляться ихъ рѣзкой противоположности. Эти противорѣчія и полнѣйшій разладъ въ дѣйствіяхъ главныхъ представителей государственной власти живо напоминаютъ время общей безурядицы, когда въ Россіи хозяйничали доктринеры и говоруны, сбивавшіе съ толку и правительство, и народъ; когда твердой и опредѣленной государственной системы управленія не было, когда все зависѣло отъ личныхъ воззрѣній и умничанья лицъ, случайно находившихся у власти, и когда ходъ и характеръ управленія не былъ согласованъ, не былъ связанъ одною мыслію, а отличался противорѣчіями и мѣнялся вмѣстѣ съ лицами.

VIII.

Что скажетъ Европа?

И. С. очень часто посылалъ небольшіе отряды въ различные уѣзды Гродненской губерніи для преслѣдованія шаекъ и нерѣдко самъ участвовалъ въ этихъ экспедиціяхъ. Съ однимъ изъ такихъ отрядовъ онъ прибылъ однажды въ д. Новосельцы, Брестскаго уѣзда, на берегу р. Буга, составляющаго границу Гродненской губерніи и царства Польскаго. За день до прихода отряда шайка повстанцевъ изъ пограничнаго польскаго

мѣстечка Янова, Сѣдлецкой губерніи, переправилась чрезъ эту рѣку въ Брестскій уѣздъ, схватила въ д. Новоселкахъ двухъ конныхъ объѣздчиковъ, наблюдавшихъ за провозомъ спирта, истязала ихъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ и скрылась обратно за р. Бугъ.

Военнымъ становымъ начальникомъ участка, въ которомъ это случилось, былъ подполковникъ З... Его участокъ простирался по рѣкѣ Бугу, отъ Брестъ-Литовска почти до м. Дрогичина. Этотъ офицеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи шесть ротъ пѣхоты и взводъ улапъ, что было совершенно достаточно для охраненія границы. Г. З... былъ старый штабъ-офицеръ, долго служившій на Кавказѣ и переведенный въ Виленскій военный округъ въ 1861 году вслѣдствіе распоряженія военнаго министра Сухозанета о замѣнѣ въ этомъ округѣ офицеровъ-католиковъ православными. Его грудь была увѣшана медалями и крестами; за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ онъ имѣлъ орденъ Св. Владиміра съ мечами.

Вызвавъ къ себѣ подполковника З..., И. С., въ присутствіи начальника штаба, полковника Клугена, замѣтилъ ему, что въ его становомъ участкѣ было уже нѣсколько подобныхъ несчастныхъ случаевъ, доказывающихъ недостаточную его заботливость и плохую распорядительность.

— Долгомъ считаю доложить вашему превосходительству, что я поставленъ въ крайне затруднительное положеніе: католическій епископъ, проживающій въ м. Яновѣ, открыто покровительствуетъ мятежникамъ, содержитъ ихъ на свой счетъ и защищаетъ отъ всякаго преслѣдованія. Это всѣмъ здѣсь извѣстно, и шайка, сдѣлавшая набѣгъ, перебралась чрезъ Бугъ изъ м. Янова.

— Можетъ ли это быть? Хорошъ епископъ, который содержитъ шайку разбойниковъ! Донесли вы объ этомъ военному уѣздному начальнику?

— Никакъ нѣтъ; я не смѣлъ этого сдѣлать.

— Да почему же? Вашъ уѣздный начальникъ немедленно телеграфировалъ бы объ этомъ въ Варшаву, и Его Высочество намѣстникъ непремѣнно удалилъ бы епископа изъ царства Польскаго.

— Какъ же это возможно, ваше превосходительство?

— Да почему же невозможно?

— Что скажетъ на это Европа!

— Что скажетъ Европа! Это что такое? Шутите вы со мной, что ли? Какое вамъ дѣло до Европы? Если она станетъ съ вами разговаривать, то повернитесь къ ней спиною, чтобы она знала, что это не ея дѣло. Для разговора съ Европой есть у государя министръ иностранныхъ дѣлъ. Ваше дѣло, г. подполковникъ, исполнять свой долгъ, а не разговаривать съ Европой.

Въ это время съ подполковникомъ З... начались какъ будто

судороги въ лицѣ; онъ замигалъ глазами и вдругъ разразился потокомъ слезъ.

Н. С. обратился въ недоумѣніи къ полковнику Клугену:

— Лавръ Никаноровичъ, что это съ подполковникомъ? Не послать ли за докторомъ?

— Ваше превосходительство, рыдая проговорилъ г. З...—никогда въ жизни я не слыхалъ подобнаго выговора!

— Да и я слышу въ первый разъ, чтобы старый кавказскій служака пускался въ такія странныя разсужденія. Теперь мнѣ понятно, отчего въ вашемъ участкѣ повстанцы разбойничаютъ. Вы здѣсь оставаться не можете, и я подумаю, куда васъ убрать.

Г. З.... самъ поспѣшилъ пріискать себѣ другую службу: недѣли черезъ двѣ онъ былъ переведенъ въ Варшавскую полицію.

IX.

Памятникъ мятежникамъ въ г. Ломжѣ.

Въ 1863 году двадцать пять уполномоченныхъ отъ пятитысячнаго крестьянскаго общества Зыпле, Августовской губерніи царства Польскаго, прибыли въ Вильну и представили главному начальнику Сѣверо-западнаго края М. Н. Муравьеву слѣдующее прошеніе:

«Генералъ! Мы, крестьяне общества Зыпле, царства Польскаго, Августовской губерніи, Маріампольскаго уѣзда, прибѣгаемъ со всепокорнѣйшею просьбою къ тебѣ. Спаси насъ! Плачевное наше положеніе достойно сожалѣнія.

«Настоящій мятежъ и волненія въ краѣ приписываютъ полякамъ. Это клевета. Мы, поляки, всегда были и будемъ вѣрными подданными нашего всемилостивѣйшаго государя. Нарушители же спокойствія суть низкіе люди, которыхъ можно найти въ каждомъ народѣ.

«Крайность заставляетъ насъ обратиться къ тебѣ. Знаемъ, что наша губернія принадлежитъ другому управленію; но что же дѣлать намъ, несчастнымъ, когда нашъ край, вмѣсто того, чтобы смириться, еще болѣе волнуется? Слыша, что край, ввѣренный тебѣ, твоею заботою уже успокоенъ, и въ немъ водворенъ порядокъ, мы еще разъ повторяемъ нашу покорнѣйшую просьбу: прими насъ подъ свое покровительство. Пусть дадутъ намъ войско, и мы пойдемъ вмѣстѣ съ нимъ, будемъ сражаться до послѣдней капли крови и докажемъ на дѣлѣ нашу любовь и приверженность къ всемилостивѣйшему нашему монарху и ненависть нашу къ мятежникамъ. Мятежники, зная нашу привязанность къ государю, будутъ стараться отомстить намъ. А потому просимъ тебя, генералъ, удостой принять насъ подъ свое покровительство и пришли войско для нашей обороны. Еще разъ

умоляемъ тебя, генералъ: возьми насъ къ себѣ, и тогда нашъ край успокоится, какъ Литва. Мы вѣрны нашему государю и не желаемъ безпорядковъ» *).

Можно судить по этому адресу, какъ враждебно относились крестьяне царства Польскаго къ шляхетскому мятежу и къ политическимъ интригамъ своихъ магнатовъ и шляхты и какъ они сочувствовали твердой и строгой системѣ управленія М. Н. Муравьева въ Сѣверо-западномъ краѣ.

Просьба крестьянъ была уважена, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1863 года вся Августовская губернія, на время существованія военнаго положенія, была, по Высочайшему повелѣнію, подчинена въ административномъ отношеніи М. Н. Муравьеву.

Первымъ его дѣломъ было принять мѣры къ немедленному очищенію всей Августовской губерніи отъ шаекъ.

Губернія была раздѣлена на два военныхъ отдѣла. Военное управленіе въ уѣздахъ Маріампольскомъ, Кальварійскомъ, Сейненскомъ и Августовскомъ было ввѣрено генералъ-лейтенанту Якову Петровичу Бакланову, а Ломжинскій уѣздъ былъ подчиненъ командовавшему войсками въ Гродненской губерніи И. С. Гонецкому.

М. Н. Муравьевъ, къ которому И. С. явился изъ Гродны для полученія приказаній, сообщилъ неодобрительныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ служащихъ въ Ломжинскомъ уѣздѣ. Онъ совѣтовалъ обратить особенное вниманіе на двухъ офицеровъ стоявшей въ Ломжѣ артиллерійской батареи. Оба они, хотя русскіе и православные, были очень ненадежны въ политическомъ отношеніи. Военно-уѣздный начальникъ, полковникъ З..., также былъ ненадеженъ по своей безхарактерности и либеральничанію.

Съ небольшимъ отрядомъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и полсотни казаковъ И. С. выступилъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, изъ Гродны и прибылъ по желѣзной дорогѣ въ Ломжу для принятія Ломжинскаго военнаго отдѣла въ свое управленіе.

Имя генерала Гонецкаго было хорошо извѣстно въ Августовской губерніи. Ходившіе въ народѣ разсказы о его дѣйствіяхъ въ Ковенской и Гродненской губерніяхъ наводили страхъ на повстанцевъ, такъ что изъ шаекъ, бродившихъ въ Ломжинскомъ уѣздѣ, многіе повстанцы ушли въ Пруссію.

Въ Ломжѣ, при общемъ представленіи Ивану Степановичу военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, находился и Ломжинскій военно-уѣздный начальникъ, полковникъ Зайцовъ.

Пригласивъ его послѣ представленія къ себѣ въ кабинетъ, И. С. сообщилъ ему отзывъ Михаила Николаевича Муравьева о политической неблагонадежности двухъ артиллерійскихъ офицеровъ, считая невозможнымъ, чтобы эти офицеры оставались на службѣ

*) См. книгу: „Сборникъ распоряженій графа М. Н. Муравьева по усмиренію Польскаго мятежа 1863—1864 года. Вильна, 1866 года". На стр. 66-й этотъ крестьянскій адресъ приведенъ цѣликомъ.

въ Ломжѣ. И. С. посовѣтовалъ полковнику Зайцову увѣдомить объ этомъ шифрованною телеграммою начальника артиллеріи Варшавскаго военнаго округа, генералъ-адъютанта Шварца и просить его о переводѣ обоихъ офицеровъ въ другія батареи.

Телеграмма была отправлена, и въ тотъ же день полковникъ З.... получилъ отъ генера Шварца отвѣтъ съ предложеніемъ оставить офицеровъ въ Ломжѣ и не вмѣшиваться не въ свое дѣло.

И. С. немедленно телеграфировалъ объ этомъ М. Н. Муравьеву и получилъ въ отвѣтъ приказаніе тотчасъ же арестовать обоихъ офицеровъ и отправить подъ конвоемъ въ Вильну.

Вслѣдъ затѣмъ И. С-чу былъ представленъ приговоръ военнаго суда о смертной казни жандарма-вѣшателя Кулиша, осужденнаго за нѣсколько звѣрскихъ политическихъ убійствъ.

И. С. утвердилъ приговоръ и приказалъ повѣсить злодѣя на городской площади днемъ, въ присутствіи войскъ и народа. Грозная обстановка этой казни произвела на поляковъ устрашающее дѣйствіе.

Спустя нѣсколько дней, И. С. поѣхалъ осматривать городъ въ сопровожденіи жандармскаго офицера. На площади, противъ зданія гимназія и возлѣ огромнаго каменнаго костела, украшавшаго площадь, онъ увидѣлъ каменный памятникъ въ видѣ пирамиды, съ крестомъ на ярко-вызолоченномъ шарѣ и съ какими-то символическими украшеніями и надписями.

Къ величайшему изумленію своему онъ узналъ отъ жандармскаго офицера, что памятникъ сооруженъ въ 1861 году въ честь пяти мятежниковъ, убитыхъ въ томъ году въ бою съ русскими войсками въ Варшавѣ, во время уличнаго возмущенія.

— Кто же,—спросилъ И. С.,—позволилъ его поставить, да еще на площади, противъ гимназіи, какъ будто въ назиданіе ученикамъ?

Оказалось, что шляхта воздвигла памятникъ самовольно, ни у кого не спрашиваясь. Ни комендантъ города, ни начальникъ дивизіи, ни военный уѣздный начальникъ не препятствовали и никому объ этомъ не доносили.

Только недавно, неизвѣстно кѣмъ, былъ снятъ находившійся на памятникѣ лавровый вѣнокъ. Открытіе памятника происходило въ 1861 году съ особенною торжественностію, при огромномъ стеченіи народа, при чемъ участвовало все городское и сельское католическое духовенство, нарочно собравшееся со всего уѣзда; присутствовали также ученики гимназіи съ своими воспитателями и чиновники. Поляки въ форменныхъ мундирахъ. Этимъ памятникомъ мятежники пользовались при всѣхъ уличныхъ демонстраціяхъ для возбужденія толпы. Ежедневно можно было видѣть, особенно въ праздники, фанатиковъ, а можетъ быть и агитаторовъ, повергавшихся предъ памятникомъ на колѣни и распѣвавшихъ патріотическіе гимны,

Глубоко взволнованный разсказами о такой вызывающей и, между тѣмъ, такъ долго безнаказанной дерзости мятежниковъ,

И. С., возвратясь домой, потребовалъ къ себѣ уѣзднаго исправника, завѣдывавшаго также и городскою полиціею. Это былъ католикъ полякъ, изъ мѣстныхъ уроженцевъ.

— Какъ смѣли вы,—закричалъ на него И. С., — поставить на площади памятникъ въ честь мятежниковъ?

— Ваше превосходительство,—возразилъ исправникъ,—я не виноватъ: его поставили городскіе жители. Здѣсь есть русскіе генералы съ войсками, они это знали; при нихъ и деньги собирали на памятникъ, и строили его, и освящали; они все время молчали. Что-жъ я одинъ съ моей полицейской командой могъ сдѣлать противъ цѣлаго города?

— Вы начальникъ полиціи и отвѣчаете за порядокъ въ городѣ. Безъ вашего разрѣшенія никто ничего не можетъ строить, особенно на площади. Вы должны были запретить строить, а еслибъ васъ не послушались, то донести объ этомъ начальству. Вы этого не сдѣлали, а потому вы виноваты. Памятникъ долженъ быть срытъ немедленно и чтобъ слѣда его не осталось. Завтра къ 9-ти часамъ утра будьте у памятника и приведите съ собою рабочихъ съ кирками, заступами и тачками. Я самъ буду на площади съ моими солдатами и останусь до тѣхъ поръ, пока памятникъ будетъ снятъ и мѣсто очищено и выровнено. Объявите объ этомъ жителямъ, чтобъ всѣ знали и собирались на площади. Если вы не исполните въ точности моего приказанія, то я съ вами поступлю какъ съ жандармомъ-вѣшателемъ Кулишемъ и тутъ же, у памятника, велю васъ повѣсить.

На другой день въ 9 часовъ утра двѣ роты пѣхоты, 50 казаковъ и 25 объѣздчиковъ таможенной стражи выстроились на площади.

Возлѣ памятника стоялъ уѣздный исправникъ и при немъ человѣкъ сорокъ рабочихъ. Вся площадь и улицы были покрыты народомъ. И. С. выѣхалъ верхомъ къ войскамъ, поздоровался съ ними и, обратясь къ народу, сказалъ громкимъ и твердымъ голосомъ:

— Этотъ позорный памятникъ вашей измѣны долженъ быть сегодня же уничтоженъ! Господинъ исправникъ, извольте начать работу!

Исправникъ стоялъ какъ вкопанный. Рабочіе не шевелились. И. С. ожидалъ. Находившійся возлѣ него полковникъ Врангель замѣтилъ ему въ полголоса: «мы попались; какъ намъ выйти изъ этого положенія»?

Положеніе было дѣйствительно непріятное.

Чтобъ облегчить лошадей, И. С. громкимъ и твердымъ голосомъ вдругъ скомандовалъ казакамъ и таможенной стражѣ:

— Съ коней слѣзай!

Эта команда и происшедшее отъ того въ войскахъ движеніе произвели совершенно неожиданное дѣйствіе. Исправникъ вѣроятно испугался и вообразилъ, что И. С. собирается его арестовать. Не успѣли казаки спѣшиться, какъ онъ въ туже се-

кунду засуетился, забѣгалъ во всѣ стороны, и тотчасъ рабочіе дружно принялись за дѣло.

Будто гора свалилась съ сердца у И. С-ча. Народъ во время работы оставался спокойнымъ и равнодушнымъ зрителемъ.

Не прошло часа, какъ стоявшій на верху памятника крестъ покачнулся и сталъ наклоняться. Его бережно сняли, и И. С. приказалъ бережно передать его въ костелъ.

Вскорѣ мусоръ былъ вывезенъ, мѣсто заравняли, и памятникъ, свидѣтельствовавшій о малодушіи законной власти, исчезъ навсегда съ городской площади.

И. С. увѣдомилъ немедленно католическаго епархіальнаго епископа, проживавшаго въ Августовѣ, о разрушеніи памятника, сооруженнаго въ честь измѣнниковъ, и о недостойномъ поведеніи католическаго духовенства, дозволившаго себѣ торжественно освятить этотъ памятникъ.

Епископъ, съ своей стороны, въ учтиво-лукавомъ отвѣтѣ указалъ на то, что такъ какъ памятникъ былъ торжественно освященъ церковью, то генералу не слѣдовало его разрушать безъ предварительнаго на то согласія духовнаго начальства.

Подробное донесеніе о разрушеніи памятника и подлинное письмо католическаго епископа были отправлены къ М. Н. Муравьеву, который выразилъ И. С-чу благодарность, а епископа увѣдомилъ, что если подчиненные ему ксендзы, забывая присягу, осмѣлятся и впередъ служить не законному правительству, а мятежу, то виновные будутъ арестованы и преданы военному суду.

Послѣ этого случая И. С. простоялъ въ Ломжѣ около недѣли и, затѣмъ, съ небольшимъ отрядомъ казаковъ и пѣхоты, обошелъ уѣздную границу, сначала съ сѣверной стороны, а потомъ съ южной. Крестьяне всюду радостно встрѣчали наши войска, какъ своихъ давно ожидаемыхъ избавителей, и сожалѣли, что правительство такъ долго оставляло ихъ безъ защиты. По ихъ разсказамъ, повстанцы силою уводили молодыхъ крестьянъ въ банды, отнимали у народа хлѣбъ, лошадей, рогатый скотъ и держали все населеніе въ страхѣ и тревогѣ.

Обходъ уѣздной границы продолжался не болѣе двухъ недѣль; банды разстроились, повстанцы разбѣжались, многіе скрылись въ Пруссію, и въ Ломжинскомъ военномъ отдѣлѣ все пришло въ порядокъ.

